

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМПАС РОССИИ

Камиль
Зиганшин

СКИТНИКИ
ЗОЛОТО
АЛДАНА

Камиль Фарухшинович Зиганшин Скитники. Золото Алдана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74138881

Камиль Зиганшин. Романы "Скитники", "Золото Алдана": ООО

«Издательство АЗБУКА»; Санкт-Петербург; 2026

ISBN 978-5-389-33373-4

Аннотация

В настоящее издание вошли две первые книги романа-эпопеи Камиля Зиганшина, который по масштабу замысла и мастерству исполнения можно сравнивать с «Одиссеей» или «Тихим Доном». Сага эта посвящена не менее важной, чем донское казачество, части русского народа – старообрядцам.

Роман «Скитники» знакомит читателя со старообрядческой общиной, сложившейся в Ветлужских лесах к середине XIX века, одолевшей трудный путь через Урал, Сибирь и обосновавшейся в Забайкальском крае, а затем оттесненной в глушь Алданского нагорья. «Золото Алдана» повествует о драматических событиях в жизни общины в период с 1922 по 1955 год, в тесном переплетении с судьбой отряда белогвардейцев, укрывшегося в тайге после разгрома армии генерала Пепеляева.

Сага Камиля Зиганшина посвящена подвигу людей, которые сберегли в нетронутой чистоте древнюю русскую культуру и религиозность, дали пример удивительной духовной стойкости и многовековой преданности своей вере. Раскол – один из

тяжелейших шрамов, оставшихся на теле русской цивилизации, и одновременно удивительно жизнеутверждающее свидетельство стойкости русского народа и его способности уживаться и ладить с людьми иных культур и вероисповеданий.

Содержание

Скитники	6
История Варлаама	7
Варлаамова обитель	10
Ветлужский монастырь	19
В Забайкалье	34
Забайкальский скит	43
Снова в пути	60
Скит «Кедровая падь»	71
Посещения ярмарки	81
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Камиль Зиганшин

Романы «Скитники», «Золото Алдана»

Оформление обложки Виктории Манацковой.

© К. Ф. Зиганшин, 2026

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

* * *

СКИТНИКИ

*Моей ТАНЮШЕ, бесценному, прелестному дару
судьбы, посвящаю. Твоя ВЕРА в меня и твоя
ЛЮБОВЬ дали мне силы одолеть немало вершин*

История Варлаама

Потомок знатного княжеского рода Василий Шмурьев родился в 1800 году. Молодые родители, измученные бесконечными хворями первенца, отвезли его к престарелой тетушке в имение под Тверью, когда малышу не было и двух лет.

Спокойная размеренная жизнь в деревне способствовала не только укреплению здоровья мальчика, но и развитию в нем самых добродетельных свойств и устремлений. Да и сама тетушка, глубоко верующая, просвещенная женщина, всячески поддерживала в мальчонке первородную чистоту и любовь ко всему живому.

Огражденный от пороков высшего света, Василий вырос одним из тех редких и чудных людей, у которых напрочь отсутствуют не только самолюбие, но и проявления обиды и ненависти: его душа любила всех и каждому желала добра.

Вернувшись в 1816 году в столицу, повзрослевший обладатель русой шевелюры и бархатного пушка над пунцовыми губами по настоянию отца поступил в Императорское училище правоведения.

Батюшка с матушкой, стремясь помочь отпрыску освоиться в столице и приобрести светские манеры, регулярно вывозили его на званые вечера, приемы и балы. Роскошь и блеск, царившие там, поначалу ошеломили и восхитили

юношу. Но мало-помалу у Василия открывались глаза. За внешним лоском и довольством аристократического общества, все еще смаковавшего триумфальную победу над Наполеоном, он стал примечать хитрословие, чванливость, притворство, блуд и мотовство.

Это поколебало, а вскоре и вовсе разрушило его наивную веру в особое предназначение своего сословия. Будучи неприхотливым и в высшей степени набожным человеком, он легко отказался от дарованных знатным происхождением благ и в 1819 году тайно ушел в отдаленный монастырь на севере Тверской губернии, где после трудного послушания, пройдя искуc и приняв монашеский постриг, с новым именем Варлаам остался служить во славу Божию.

Читая старинные рукописные книги, коих в библиотеке обители было великое множество, молодой инок был умиротворен нестяжательной и благочинной жизнью в монастыре. Ладил с игуменом¹ и братией, но вскоре он стал замечать, что и здесь, средь божьих служителей, уживались все те же, только умело утаиваемые пороки и завуалированная борьба за власть. У Варлаама подспудно начало вызревать решение уйти подальше от тщетной суеты и жить в лесах в уединении. Спустя три года, испросив благословения настоятеля, он отправился странствовать, выбирая дороги дикие, малолюдные. Настоятель при прощании дал ему две книги: Евангелие от Матфея и довольно увесистый фолиант «Травознаи

¹ *Игумен* – настоятель православного монастыря.

Руси» со словами: «Будешь жить в лесу – пригодится».

В первые дни скитальческой жизни инока особенно восхищало и радовало то, что в лесу даже ломоть черствого хлеба стал несравненно вкуснее и аппетитнее: горьковатый дым костра, благоухание цветов, щебет птиц – эти незатейливые приправы необычайно скрашивали скудные трапезы. Под вольным небом, среди лесистых холмов и чистых речушек Варлаам стал ощущать себя частичкой окружающего мира. Это с каждым днем крепнущее чувство слитности доставляло душе странника особую усладу.

Отдыхая как-то под громадной, пронизанной солнечным дождем сосной, Варлаам рассеянно поднял шишку, лежавшую на рыжей попоне из старой, плотно спрессованной хвои. Из нее на ладонь выпало невесомое семя. Разглядывая его, юноша невольно подумал: «Экая крохотулька, а такой исполин из нее вырастает! Сколь же велика сила Господня, таящаяся в семени!»

В дальнейшем, размышляя о гармонии и благодати, царящих в лесах и полях, Варлаам пришел к убеждению, что именно в Природе-матушке – чудном творении Царя Небесного – и заключен вечный источник жизни для всего сущего. Именно через Природу Создатель пробуждает в человеке чувство единения с окружающим Миром и очищает душу от всего суетного, делая ее добрее и мягче.

Варлаамова обитель

В поисках пристанища по сердцу скиталец через четыре седмицы² достиг кондовых лесов Ветлужского края, издавна населяемых поборниками старой, неправленной веры. Первые из них пришли сюда, спасаясь от антихристовых³ Никоновых новин, еще в семнадцатом веке, вскоре после Раскола.

Варлааму сразу приглянулись суровые старообрядцы, выделявшиеся усердием к труду и почитанием древлерусского православия. Каждый день, кроме двенадесятых праздников⁴, в их поселениях с утра до ночи кипела работа. Женщины пряли шерсть, ткали холсты и даже сукно; филигранно вышивали золотом. Мужчины делали конскую упряжь, мастерили красивые розвальни, искусно писали иконы, переписывали книги старозаветного содержания. У них все поступало в общину: на себя работать никто и не мыслил. Перед началом любого дела и по завершении его усердно молились, благодарили Создателя за милость к их общине.

От неправленного православия не отступали ни на шаг.

² *Седмица (устар.)* – неделя.

³ *Антихрист* – противник Христа – человек, который явится перед вторым пришествием Христовым, выдавая себя за Бога, и воцарится над всеми народами. Будет уничтожен Христом Спасителем.

⁴ *Двенадесятые праздники* – двенадцать главных (после Пасхи) православных праздников. Вечером, накануне их, всегда служится торжественное всенощное бдение.

Не признавали здесь ни государевых ревизий, ни податей и иных повинностей. Про себя они говорили: «Мы хранители истинного православия, мы не в воле царя-антихриста». Сойдясь на почве общей страсти к рыбалке с одним из местных старцев поближе, Варлаам как-то полюбопытствовал:

– Вот вы, батюшка, себя староверами именуете, а почему вы считаете, что старая вера отлична от нынешней?

– Известное дело, перво-наперво молимся по неправленным, первоисточным текстам и не кукишем, а двумя перстами, как и Сам Исус⁵ Христос. И крещение совершаем яко Он – полным погружением, а не брызганием на голову. Табаку не курим и не нюхаем онного, иностранну одежду не носим, бороды не скоблим. Да много еще чего...

– Тем не менее тьма людей новую веру приняла. Отчего вы так упорно старой держитесь?

– Вера, сынок, не штаны, чтобы менять. Вере износу нет, на то она и Вера, на том она и стоит. По какой Вере наши родители жили, по той и нам надобно с их благословения. А за других мы не в ответе. Одно знаю – диавол тока слабых духом в свое войско прельщает...

Глядя на строгое соблюдение общинно-жительного устава, писанного еще Сергием Радонежским, лад в семьях и хозяйстве, почитание старших, Варлаам уверовал, что там, где

⁵ *Исус* – по первоначальным книгам имя Христа пишется с одной «и», а не с двумя, как повелел впоследствии Никон.

следуют первородному православию, где царит дух добро-сердечия и братской взаимовыручки, живет и дышит земля Русская.

Решив обосноваться неподалеку от одного из потаенных поселений, юноша приглядел хотя и тесное, но надежное пристанище в дупле громадной сосны, росшей в версте⁶ от староверческого скита. Землю вокруг нее густо перевили му-скулистые плети корней, а сам ствол был столь мощным и объемным, что дупло у комля выглядело пещерой.

Обустроив временный приют, Варлаам начал валить лес для своего первого настоящего жилища. Купив у староверов топор и пилу, добела шкурил стволы, рубил венцы. Умения и сноровки ему, конечно, поначалу не хватало, он возмещал их упорством и старанием. Кровяные мозоли на руках постепенно сошли, кожа загрубела. К Рождеству Богородицы⁷ новопоселенец соорудил полуземлянку: нижняя часть на метр в земле, верхняя, из пяти венцов, над землей. В этот же день Варлаам перебрался из временного жилища в избушку, на-питанную густым смоляным духом.

Пышнобородые старообрядцы на первых порах насторо-женно относились к пришельцу, ибо ко всякому новому че-ловеку были недоверчивы. А иначе и нельзя – попробуй-ка

⁶ Верста – 500 сажен = 1500 аршин = 1066,5 метра.

⁷ Рождество Богородицы – христианский праздник, относящийся к двенаде-сятым праздникам. Отмечается 21 сентября, в день рождения Божьей Матери.

столетиями хранить устои попорченной веры. Но с течением времени молодой пустынник своим благочестием и прилежанием к труду смягчил их настороженность, а иных даже расположил к себе...

Удаление от мира и его греховной суеты, физический труд, молитвы, земные метания, строгий пост, беседы с праведниками общины мало-помалу открывали перед Варлаамом всю глубину и гуманность почитаемой старолюбцами веры. Через год он прошел переправу, и с того момента, как ему повязали пояс, отделяющий греховное от возвышенного, Варлаам ни дня не ходил без него.

Изучая травы по подаренной ему игуменом книге, он познавал божественные силы, скрытые в разных былинках, овладевал искусством варить из них зелья от разных хворей. Живой, пытливый ум и острая наблюдательность Варлаама исподволь развивали в нем дар целительства.

Читал Варлаам вечерами при свете лучины, после любимого чая из листьев и ягод сушеной земляники. Поскольку лучины сильно коптили, а от дыма горчило в горле, да и сгорали они быстро, отшельник соорудил себе масляный светильник: вставил в плошку с конопляным маслом, которое научился давить, губчатую сердцевину рогоза, очищенную от «пуха». Она горела долго ровным, чистым, без чада, пламенем.

Способность Варлаама к целительству, внимание и обходительность к убогим влекли к нему страждущих. Плату за

труды свои он не брал, а ежели кто настаивал на вознаграждении, тому говорил: «Христос наставлял: „Даром получили, даром давайте“».

Первые лета избушка Варлаама стояла одиноко, но по мере того как множилось число излеченных и через них ширилась в округе молва о необычайном даре новопоселенца, рядом начали расти сначала землянки, а затем и основательные постройки.

Пустынника, предпочитавшего уединение, стало тяготить шумное окружение, и он перебрался вглубь тайги версты за четыре от выросшего вокруг его первой обители селения, уже получившего в народе к тому времени имя Варлаамовка.

Новое пристанище располагалось в подковообразном ложке под защитой громады серой, с зеленоватыми разводами лишайника скалы. Из-под ее основания, вскипая песчаными султанчиками, бил родничок. Сбегая по ложку, он крепчал, шумел, сердился на крохотных водопадаках и замирал на карликовых плесах. Вода в ключе была всегда в меру студеная и настолько приятная на вкус, что каждый глоток доставлял ни с чем не сравнимое удовольствие.

На следующий год возле своей пустыни Варлаам соорудил крохотную часовенку во имя особо почитаемой им иконы Семистрельной Божьей Матери.

Шли годы. С неослабной теплотой и душевным рвением отшельник помогал всем страждущим и немощным словом и делом. Никто не имел отказа, для каждого, по мере сил, он старался творить добро. Дополняя зелья тихими и кроткими словами, а главное – исходящими от него любовью и участливостью, он ставил на ноги безнадежных и врачевал даже запущенные недуги.

Хотя послушать его не по летам разумные, благочестивые проповеди или излечиться от хвори по-прежнему приходило уйма люда, теперь ни один из них, из почтения к отшельничеству ревнителя древлеотеческой веры, поблизости селиться не смел.

Осенью 1863 года, когда Варлааму перевалило за шестьдесят, воздал Творец преданному человеку – привел прямо к порогу его обители мальчонку лет десяти-одиннадцати, одетого в сермяжные⁸ лохмотья и даже креста нательного не имевшего. Стоял он сизый от холода, переступая босыми ногами на прихваченной инеем листве, и смотрел на Варлаама взглядом человека, познавшего всю горечь сиротства. Что удивительно, тяжесть пережитых невзгод не придавила его, не сделала униженно-заискивающим или недоверчиво-злб-

⁸ *Сермяжные* (одежды) – одежда из грубого, неокрашенного домотканого сукна.

ным. Напротив, малец отличался дружелюбием и самостоятельностью: кормился не подаяниями, как большинство бродяжек, а промыслом — копал съедобные коренья, собирал орехи и ягоды, умело ставил на дичь силки, плетенкой ловил рыбу.

Варлаам понимал, что житие его на земле клонится к закату, и в этом немом создании он узрел того, кто способен будет перенять и понести накопленные им знания и опыт далее. Старец принял отрока как чадо родное. Да они и схожи были. Оба сухопарые, высокие, с серыми глазами на узких благородных лицах, окаймленных волнистыми прядями волос.

Любознательному подростку, нареченному при крещении Никодимом, учиться нравилось. Он с легкостью осваивал не только грамоту, но и краткое изложение основных истин христианства — Катехизис⁹, а затем и Библию, состоящую из Ветхого Завета¹⁰ и Нового Завета¹¹. С неослабным интересом постигая строго соблюдаемое в этих краях первоисточное православие, наизусть учил отрывки из почитаемого старолюбцами «Стоглава», псалмы из Псалтыря, до Никоновой

⁹ *Катехизис* — краткое изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

¹⁰ *Ветхий Завет* — первая часть Библии, относящаяся к жизни человечества от Сотворения мира до Рождества Христова.

¹¹ *Новый Завет* — вторая часть Библии, охватывающая период времени от Рождества Христова и доныне. Общее название для первых четырех книг Нового Завета — Евангелие (*греч.* «радостная весть»).

поры писанные. Но особенно возлюбил «Житие» и «Книгу бесед» протопопы Аввакума.

Пытливый парнишка стал понимать, что Бог есть начало и причина всего сущего. Что Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой не есть три Бога, а Един Бог. Что сам Господь невидим и открывается людям посредством Слова, передаваемого через земное воплощение Бога – Сына Его – Иисуса Христа. Как образно объяснил Варлаам: «Бог – это вроде солнца. Оно ведь являет собой не только раскаленное тело, а еще испускает свет и дает животворящее тепло. То есть в нем одном, как и в Боге, заключены три сущности, неотделимые друг от друга».

Наряду с православием Никодимка усердно вникал в азы врачевания. Помогал готовить всевозможные отвары, настои, мази. Запоминал, что применяется внутрь, что наружно. Со временем, сосредоточенно глядя на растение, стал чувствовать, от каких недугов оно может помочь.

– Молодец, сынок! – часто хвалил, поглаживая воспитанника по голове за понятливость и прилежание, Варлаам. В такие минуты счастливая улыбка озаряла лицо старца.

«Как непостижимо велик мир отмеченного Богом человека! Он и время употребляет по-иному. Там, где простой смертный его бездарно тратит, такой без пользы для души и ума не проведет ни минуты, – размышлял он, с радостью наблюдая за переменами в воспитаннике. – Сколько в этом малом добра, разума, трудолюбия, как он созвучен природе

и вере нашей».

Однажды, мотаясь по лесу, парнишка услышал треск повалившейся от старости ели. Падая, та переломила ствол росшей рядом осины.

– Больно, больно! Помогите! – донеслось до Никодимки.

Он кинулся на помощь, но ни под деревом, ни возле никого не обнаружил. Перепуганный мальчонка рассказал о странном крике Варлааму. Выслушав ученика, тот посветлел:

– Сынок, мертвого на земле ничего нет. Божья сила разлита по всему, что нас окружает. Она и в дереве, и в скале, и в озере, и в зорьке. Все вокруг живое. Только не каждому дано это чувствовать. Коли ты услышал боль дерева, стало быть, дарована тебе способность слышать чувства других... Даст Бог, хорошим целителем станешь.

Ветлужский монастырь

Как-то в долгий июньский вечер у хижины отшельника остановились две ладно сработанные повозки. В сумеречной тишине было слышно, как пофыркивают, отмахиваются от назойливых комаров лошади. К вышедшему на порог хозяину обители приблизился, снимая на ходу с головы остроко-нечный куколь¹², крепыш лет девятнадцати, с пронизатель-ными серыми глазами. Назвался схимник¹³ Маркелом. Со-провождавшие его возницы стянули с лохматых голов ер-молки и учтиво поклонились старцу.

Люди прибыли к Варлааму с милостивой просьбой от по-читаемого в округе настоятеля потаенной староверческой пустыни¹⁴ князя Константина приехать к нему по неотлож-ному делу, непременно захватив лекарские снадобья.

Пустились в путь, забрав и Никодима, затемно, под ше-пот начавшегося мелкого, въедливого дождика. Сразу по-грустневшие деревья понуро склонили отяжелевшие от вла-ги ветви. Узкую, извилистую, едва заметную ленту дороги, выющую по глухому лесу, то и дело пересекали бугристые корневища вековых елей. Порой она съезжала в болотистое мелколесье, где колеса вязли во мхах, усеянных кустиками

¹² *Куколь* – схимническое облачение черного цвета с острым верхом.

¹³ *Схимник* – монах, отличающийся особой строгостью духовной жизни.

¹⁴ *Пустынь* – глухой монастырь, далеко отстоящий от селений.

клюквы. Однако сильные, откормленные лошади и там тянули ровно, без насады. Варлаам с одобрением отметил, что возницы не хлестали коней, хотя у каждого на руке висела сыромятная плетка. Понятливые животные и без принуждения старались вовсю.

На рассвете дорогу путникам пересекли лоси. Они остановились на пологой хребтине, повернув головы в сторону обоза. Слабые зрением, сохатые долго водили мордами, всматривались в нечеткие силуэты и, разглядев наконец в пелене дождя людей, пустились наутек иноходью.

Довольно часто поднимали с ягодников дичь – то тетеревов, то глухарей. Шумно ударяя крыльями, они отлетали поглубже в чащу и, рассевшись на ветвях, покачивались, сторожко озирались.

На следующий день, когда на смену угрюмым, мрачноватым елям появились жизнерадостные сосны, наметилась перемена и в погоде. Тучи, обнажая прозрачную синь, отползли к горизонту. Лес залили снопы солнечных лучей.

Когда путники подъезжали к монастырю, их облаяла косуля.

– Чего это она бранится? – удивился Никодимка.

– Шумим сильно, вот и намекает: потише, мол, надо подле святой обители, – повернулся к нему Варлаам.

Располагалась пустынь в глухом лесу, в удалении от дорог. За стенами из дикого камня сияли умытые дождем кресты и луковицы церкви, возвышающиеся над всеми остальными

постройками.

Постучали в сколоченные из толстых плах и обитые железом ворота. В ответ предупреждающе залаяли псы, послышалось ржание коней. Через некоторое время глухой голос справился:

– Кого Господь дарует?

– Молви настоятелю: старец Варлаам прибыл.

Ворота отворились. Въехали во двор, покрытый мягкой травой-муравой. Обнюхав чужаков, собаки, чуть покрутившись, позевали, повытягивали спины и забрались каждая в свою конуру. Из приоткрытой двери церкви доносились красивые гласы песнопения.

Маркел, соскочив с повозки, помог слезть старцу и повел его через двор. Остановились под березами возле крыльца отдельно стоящего здания, соединенного с другими крытыми переходами. Перед входом перекрестились, отвесили земные поклоны. Поджидавший их схимник провел Варлаама в покои настоятеля. Оказавшись в гостевой, старец вновь перекрестился в красный угол с образами и лампадкой на деревянной божнице, сотворил молитву и только после этого прошел в почивальню.

На кровати полулежал-полусидел, прикрытый огромным медвежьим тулупом, остроносый, изможденный человек, в серой рубахе с воротом, расстегнутым ниже выпиравшего кадыка. Из-под густых бровей внимательно глядели ввалившиеся глаза. Оправив черную, с легкой проседью бороду,

больной произнес:

– Прости, отец, что не могу приветствовать должным образом. Благодарствую, что уважил... Молва докатилась, что обладаешь даром исцеления. Покорно прошу, пособи и мне, Христа ради. С весны занедужил. Ломота замучила, да бессонье одолело, а теперь и вовсе сил лишился.

Варлаам, оmyвши руки и лицо, не торопясь, прощупал, простучал болезного.

– Ваше высокопреподобие, не хворь у вас – то недруги порчу наслали. Вот снимем ее, и силы вернутся.

Старец провел в опочивальне несколько часов и вышел оттуда посеревший лицом, еле передвигая ноги.

– Прошу не входить. Преподобный спит.

И – диво дивное! – на радость всем игумен со следующего дня пошел на поправку.

Надо заметить, что князь Константин был весьма многочтим в староверческой среде и уже немало лет являлся настоятелем монастыря, славившегося особой преданностью первоисточному православию. Не подчинялись здесь ни архиереям¹⁵ новообрядческой церкви, ни государевым людям.

В стародавние времена, когда после очередного царева указа «скиты порешить, старообрядцев в новую веру крестить» государевы слуги принялись силой забирать непокорных священнослужителей, не желавших признавать «анти-

¹⁵ *Архиерей* – общее название высших православных священнослужителей (епископ, архиепископ, митрополит, патриарх).

христову власть», и, заковав в кандалы, держать их в земляных ямах до покаяния, а упорным резать языки и полосовать тела кнутом, предки князя Константина, не жалея средств, скупали древние святыни, первоисточные рукописи и церковную утварь старой Руси, спасая реликвии от поругания. Господь к ним был милостив. Сумели они с верными людьми переправить собранные сокровища в сию глухую пустынь и укрыть в недрах подземных хранилищ.

Выздоровливающего настоятеля после простой снеди, вкушаемой совместно с насельниками монастыря в общей трапезной, Варлаам начал водить на прогулки. Он с первой минуты почувствовал в князе родственную душу. А их общая беззаветная преданность идеалам первородного православия и многоначитанность только укрепляли возникшую симпатию.

Побродив по монастырскому двору, они, как правило, уединялись в тихом закутке, в тенистой прохладе берез и, чинно перебирая кожаные лестовки¹⁶, подолгу беседовали

¹⁶ *Лестовка* (лестница) – распространенный в Древней Руси и сохранившийся в обиходе старообрядцев тип четок. Представляет собой плетеную замкнутую кожаную ленту, сшитую петлей. Символизирует собой одновременно и лестницу (лестницу) духовного восхождения с земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной жизни. Употребляется для облегчения подсчета молитв и поклонов. Двенадцать первых «узелков» (валиков) – это двенадцать апостолов, за ними тридцать восемь – это тридцать восемь недель, что Пресвятая Богородица Христа в чреве носила. Следом тридцать три «узелка» – возраст Христа. За ними семнадцать «узелков» – семнадцать Его пророчеств.

о жизни святых, их пророчествах и подвигах, изложенных в «Четьи-Минеи»¹⁷. Особенно дотошно разбирали «Злато-струи», «Пролог», услаждая души нескончаемым общением. Иногда и спорили.

Во время одной из таких прогулок разразилась гроза. К ним тут же подбежал Никодим: принес широкую рогожину укрыться от дождя. Под ее защитой собеседники перебрались в келью настоятеля.

– Почтительный у тебя ученик! – заметил игумен. – А то ноне в городе молодые бороды побрили, заветы отцовы да дедовы позабыли.

– Да что бороды... Не в том ересь. Зелье проклятое курить чуть не все принялись. И что хуже всего – за достоинство сей грех выставляют! Срамота!

– Сам-то табак что – такая же божья травка, как и всякая другая, а вот то, для чего ее используют, это точно от диавола. И пыхают ведь дымом из уст яко он.

– Вестимо, своеволие и непослушание на Руси от Никона пошло! С той поры народ наш больно слабостям подвержен стал. О будущем не мыслит, страха Божьего не ведает. Что есть – враз пропьет али в кости проиграет. Иной даже детям родным крошки не оставит. Трудиться своей волей разлюбил. Все из-под палки. Завистливые и вороватые народились. Отступили от догматов истинного православия, и раскололось, растлилось наше племя! Встарь на Руси не веда-

¹⁷ *Четьи-Минеи* – сборники, содержащие тексты поучительного характера.

ли эдакого воровства да пьянства. Это все происки антихриста... До Никона-отступника и церковь была не мятежна, — с болью продолжил настоятель.

— А коснись нас — живем мы в мире со всеми, зла никому не делаем. Оне сами по себе, мы сами по себе — оставить бы пора в покое наши общины. Так ведь нет, все пуще ярятся щепотники. Теснят, загоняют нашего брата в глушь трущобную. Кто в лесах непроходимых, кто на островах речных, кто в пещерах мрачных хоронится, кто в самые дальние, антихристам недоступные, края ушел. А кто и вовсе Рассею-матушку покинул... Ведь из-за чего в первую очередь воспротивились Никоновым новинам братья наши: это ж надо придумать — кукишем крестное знамение творить! Срам да и только! Как мыслимо такое?! Ведь соединение большого и двух нижних пальцев символизирует Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. Прямые указательный и средний пальцы указывают на два естества Христова: божественное и человеческое. И вдруг все это безосновательно переменили. Запомнили, что решением Стоглавого собора 1551 года двуперстие запрещено было изменять под страхом анафемы. Да и сами старые-то обряды были куда праведней¹⁸.

¹⁸ Никоновы нововведения, кроме троеперстия, подчинения церкви государству и объявления царя помазанником Бога, включали в себя много других аспектов — сокращалась литургия, чин покаяния, тексты некоторых молитв. Крещение полным погружением (как Иисуса) заменили обливательным. Изменилась даже форма креста (восьмиконечный на шестиконечный). Вводилось хождение вокруг алтаря «противу солонь» (т. е. против движения солнца) вместо «по со-

– Что верно, то верно! Самим Христом заповедано двумя перстами крест класть. Щепотью не Богу молишься, а диаволу. Будь ты хоть какой веры, только крестись истинным крестом. Наш народ в делах веры сильно привержен букве и точному соблюдению обряда. Он твердо знает, что молитва действует лишь тогда, когда в ней не изменено ни одно слово и прочтена она исстари установленным напевом.

– Справедливо речение твое. Встарь, до Никона, православие было чисто и непорочно... Эх, все у нас, русских, есть для достойной жизни, но не хватает, недостает нам сплоченности и самоуважения. Правители повадились под иноземные порядки подлаживаться, а свои предавать забвению или вовсе запрещать. В этом, я полагаю, основная причина происходящих бедствий и несчастий.

Но вот что интересно, в каком еще народе найдешь такую готовность помочь ближнему, такое радушие, такую силу и неприхотливость. Мы, конечно, сверх меры терпеливы, но ведь именно терпением собиралась и создавалась земля Русская, величаемая в дониконову пору Третьим Римом. Какие возводились храмы, ширились города! Так что терпение, быть может, и есть ценнейшее качество нашего народа! – подытожил игумен.

– Но вместе с тем, пожалуй, и горе, – мягко возразил старец...

Общность интересов все крепче связывала этих людей. И неудивительно, что вскоре Варлаам стал у настоятеля особо доверенным лицом – духовником. Почтение и симпатия князя к старцу были столь велики, что он, решив открыть ему свой сокровенный схрон, повел его через потаенный ход в скрадень, где в обитых железом сундуках хранились святыни старой веры: книги с серебряными наугольниками, кресты, кадила, схима и иконы, в их числе древний образ Святой Троицы в ризе из тонколистового золота, с тисненым орнаментом, украшенной жемчужной подвеской и самоцветными камнями. Икона та была освящена еще Сергием Радонежским перед битвой на Куликовом поле.

С благоговением приложившись к ней, Константин обратился к Варлааму:

– Отец, за то, что исцелил меня, благодарен безмерно, но, – тут игумен понизил голос, – душа моя неспокойна, чует гибель близкую. Коли и вправду Царь Небесный прибьет до срока, позаботься о святынях наших, не дай сгинуть им. Сдается мне, что здесь их уже не уберечь. Антихристовы прислужники не дремлют. Весть до меня дошла, будто подписано новое указанье: все староверческие обители порешить, как угрозу нонешней церкви. Думаю, надобно готовиться к уходу на восток за бугры Уральские, за реки Сибирские, в недоступный Байкальский край. Там, по слухам, утраченный человечеством Рай, ибо сказано в пророчествах: «С востока свершится второе пришествие Иисуса Христа на

землю». В тех краях немало уже нашего брата осело. Лишь в тамошней глуши и возможно уберечь сии реликвии – до явления Спасителя.

В монастыре у нас разный люд, но в ком я уверен, так это в отце Федоре и его сыне Маркеле. Доподлинно знаю, что Федор семь попов к нам привел. Не убоился ни закона «О наказаниях», ни ссылки в Сибирь, ни каторжных работ. Ежели что, он меня заменит, а Маркел с людьми особо верными и стойкими в Сибирь пусть отправляется... На Никодима твоего, я думаю, тоже положиться можно. А дабы не угас огонь веры нашей, надобно жить им там не по монастырскому уставу, а по мирскому – семьями, но в жены чтобы брали девиц только из единоверцев. Коли удастся той общине первородную чистоту православия и ее святыни бесценные сохранить, то, может статься, к ней и явится в свой срок Христос Спаситель. То будет светлый день всеобщего Воскресения и освобождения от тления.

Прошла неделя. После полнощной службы, когда иноки читали в своих кельях молитвы и творили неустанно поклоны, Варлаам, проживавший в боковушке подле покоев настоятеля, был разбужен невнятными, но требовательными голосами. Почуввав неладное, старец бросился к выходу, но дверь не отворялась. Он принялся стучать и звать на помощь. Наконец на шум прибежали монахи. Они с удивлением обнаружили, что дверь в келью Варлаама подперта снаружи колом. Еще больше изумились, когда освобожденный старец,

ни слова не говоря, бросился прямо в покои игумена. Зайдя следом, монахи при свете свечей увидели преподобного Константина бездыханно лежащим на полу, залитом кровью. Рядом валялся топор. Ящики в столах выдвинуты, повсюду в беспорядке разбросаны вещи, бумаги.

У старца перехватило дыхание. Крестьясь, он пал на колени подле убиенного и зарыдал:

– Господи, прости мя, грешного! Не уберег богомудрейшего человека, а ведь он ведал, предупреждал!.. Господи, отправь извергов, сгубивших его, на муки вечные в геенне огненной!

Панихида по усопшему длилась сутки. Положив семипоклонный начал и отпев «вечную память», погребли князя Константина в одном ряду с могилами прежних настоятелей монастыря. На надгробном камне высекли:

Раб Божий Константин.

Он жил во славу Божию.

Кто добром помянет – того Бог не забудет.

Душегубов князя, скрытно проникших в монастырь, так и не изловили. Обнаружили только веревку, свисавшую с монастырской стены наружу, в сторону глухого леса.

На следующий после погребения день Варлаам призвал Никодима. Внимательно вглядываясь в очи воспитанника, он, подчеркивая важность момента, положил обе руки на его плечи.

– Сын мой, место здешнее, прежде крепкое, теперича ста-

ло ненадежным. Того и гляди царевы прислужники заявятся. А в монастырских тайниках хранятся многие реликвии, в их числе одна из самых почитаемых – икона Святой Троицы древнего письма. Их здесь нам не сохранить. Выведаят – сожгут либо разграбят. И веру нашу в чистоте здесь не сберечь. Обложили кругом антихристы. Одно спасение – вывезти святыни в безлюдный Забайкальский край, почитателям истинного благочестия давно полюбившийся. Так великомученик Константин перед страшной своей гибелью наказывал. Готов ли ты, чадо мое, сообщая с сотоварищами исполнить дело сие многотрудное, аль незрел еще? – Варлаам испытующе всматривался в лицо ученика.

За годы, прожитые у старца, Никодим сильно переменился. От прежнего худошавого отрока сохранился лишь задорный чуб. Был он теперь высок ростом и широк в плечах. Но выделяли юношу не столько эти внешние достоинства, сколько внутренняя сила, исходившая от него.

Никодим в глубочайшем волнении бухнулся на колени и горячо поцеловал руку старца:

– Отец, твоя воля – святая воля. Не посрамлю. Все исполню в точности, как велишь. Реликвии бесценные, с Божьей помощью, до места с сотоварищами доставим. Сбережем, живота не щадя.

Произнеся это, он взял в руки книгу Ветхого Завета в бархатном переплете с прочными пергаментными страницами из тонко выделанной телячьей кожи и, в подтверждение

крепости клятвы, приложился к ней сначала губами, потом лбом.

Из красного угла на это действие внимательно и строго взирал лик Христа.

Варлаам, довольный тем, что не ошибся в воспитаннике, продолжил:

– Скоро ляжет снег. Посему пускаться в дорогу нынче не резон. Отправитесь весной. Покуда будете собираться, я Устав для вас напишу.

– А вы что, не с нами?

– Нет, сынок. Дорога многотрудная, молодым только под силу. Наставником¹⁹ вам преподобный Константин определил еще при жизни Маркела. Я хотел бы, чтоб он вместо старшего брата стал тебе.

* * *

Всю зиму 1870 года продолжалась скрытная подготовка к дальней дороге. Варлаам тягучими студеными вечерами писал для новой общины Устав, надиктовывал воспитаннику составы травяных сборов от возможных хворей, раскрывал свои целительские секреты. Никодим, имеющий редкостную память, впоследствии, через много лет, подробно воспроизвел все услышанное и частью записанное в своих рукопи-

¹⁹ *Наставник* – духовный руководитель беспоповской общины у старообрядцев.

сях-наставлениях.

Весна пришла поздно, но пронеслась быстро и неудержимо. Окна келий, еще недавно покрытые толстым слоем льда, оттаяли. Сразу после того, как спала внешняя вода, подсохли дороги, ночью втайне погрузили в уемистые телеги скарб, инструмент (в основном топоры, пилы да лопаты), провиант, боеприпасы к двум кремневым ружьям, кованые сундуки с иконами и книгами старопечатными, завернутыми для лучшей сохранности в бересту, отслужили напутственный молебен и еще затемно тронулись.

Медленно пробуждаясь ото сна, утро поднимало с земли молочные веки предрассветного тумана. С ветвей густо капала холодная роса. Продрогшие Варлаам с Федором, отцом Маркела, идя рядом с подводами, на ходу наставляли любимых чад:

– Заповеди Господни и заветы прадедов исполняйте неукоснительно и стойте за них неколебимо, во веки веков. Отеческие святыни оберегайте пуще жизни. Придет время – востребуются они Спасителю для воскрешения истинного православия на обширных пределах государства нашего многострадального. Во всех нуждах и тяготах обращайтесь с молитвою к единственному заступнику – Создателю.

Все делайте сообща, мирно, без перекоров. Зла никому не чините. Кого в нужде встретите – помогайте: вера без дел мертва! Чем больше благих дел сотворите, тем больше щедрот вам воздастся. Токмо от скобленных да табачных рыл дер-

житесь подальше.

Остановившись, долго махали вслед обозу:

– Помогай вам Господь, аминь!

Впереди, держа лошадь под уздцы, широко шагал Никодим. Он как-то враз преобразился. Стал собранней, суровей. Казалось, что даже его курчавая юношеская бороденка, подковой обрамлявшая прямоносое лицо, загустела и стала жестче. Молодой годами, Никодим чрезвычайно гордился тем, что она у него окладистой и гуще, чем у сверстников.

Долго еще стояли у дороги Варлаам с Федором в армячках, накинутых на плечи, беспрестанно шевеля губами. Глядя туда, где скрылся обоз с девятнадцатью лучшими послушниками, они творили напутственные молитвы. Оба понимали, что никогда уже больше не увидят этих, столь дорогих их сердцу, людей. Лишь моления и беспокойство за судьбы ушедших остались на их долю...

В Забайкалье

Путь до Байкал-моря предстоял долгий и трудный. Продвигались по самой глухомани, обходя тракты и царские заставы. В дороге встречали и беглых варнаков, и вольных промысловиков, и обиженный работный люд; видели и горе людское, и радость нечаянную. Почти у всех ноги по первости избились до крови.

Никодим, с малолетства привычный к дальним странствиям, научил сотоварищей перед сном держать ступни ног в отваре из дубовой коры. Через несколько дней кожа у всех настолько продубилась, что путники забыли про мозоли.

В начале августа показались оплывшие от старости мягкие предгорья, а за ними и скалистые вершины Камня²⁰, окутанные голубоватой дымкой, отчего они были похожи на головы седеющих великанов. Караван незаметно углубился в невиданное доселе царство вздыбленной тверди, покрытой темнохвойным лесом с упавшими деревьями, одряхлевшими пнями, рывтинами, прикрытыми ажурным папоротником. Время изрубцевало отроги шрамами, осыпями, промоинами. Входное ущелье, унизанное, словно пасть хищного зверя, зубьями скал, как бы предупреждало путников об опасностях и лишениях, ожидавших их впереди. Из хмурой глубины хаоса хребтов на караван надвигалась непогода.

²⁰ *Камень* – так в старину называли Уральский хребет.

Тайга глухо зарокотала, завыл ветер, следом полил дождь.

Тут им несказанно повезло: дым, тянущийся из бокового распадка, привел их к хоронящемуся в его глубине староверческому скиту. Промокшие, обтрепанные ветлужцы перед штурмом главного перевала задержались у братьев по вере на неделю: чинили одежду, обувь, приводили в порядок снаряжение.

Вместо телег, непригодных для движения по горам, наделали из березовых жердей волокуши и, перегрузив на них всю свою поклажу и дощаный ящик с десятком кур, в сопровождении одноверца из местных двинулись к вздыбленному рубежу, отделяющему Европу от Азии.

Ущелье, по которому они поднимались на перевал, загибаясь вверх, ветвилось на более тесные и короткие. Их склоны покрывали островерхие ели и выветрившиеся руины серых скал. Почти достигнув перевальной седловины, обоз уперся в непроходимый для лошадей обширный многоярусный ветровал из упавших друг на друга вперехлест суковатых стволов. Пришлось поворачивать обратно и повторять подъем по сопредельному ущелью. С трудом одолев затяжной подъем, все же вышли на водораздел.

Седловина оказалась гладкой, словно вылизанной переползавшими через нее облаками. Лишь в центре торчало несколько разрушенных временем каменных пальцев, стянутых понизу обручем из обломков угловатых глыб. Уже со-

бравшееся в свою опочивальню солнце еще достаточно хорошо освещало окрестную панораму.

На востоке, подступая к хребту, волновался зеленокудрый океан, кое-где рассеченный витиеватыми прожилками рек и щедро украшенный блестками больших и малых озер. По его изумрудной ряби не спеша плыли тени облаков. Огромность и бескрайность открывшегося простора вызывали трепет и благоговение. Какое приволье! Сибирь!!! Трудно представить, что тянется эта таежная страна от Урала до самого Тихого океана шесть тысяч верст!!! На южной и северной окраинах сибирская тайга редееет, а средний, весьма кстати широкий пояс в одну-две тысячи верст – это натуральные дебри, заселенные людьми только по берегам великих сибирских рек и отчасти по их притокам. Русский люд живет там отрезанный от всего мира. Лишь одна постоянная ниточка соединяет эти огромные пространства Российской империи с Москвой и Санкт-Петербургом – Сибирский тракт.

Взобравшись на ближнюю скалу, Никодим сел на плоский уступ. Несмотря на приближение вечера, он был довольно теплым, и юноша невольно погладил шершавый, местами покрытый лишайником бок камня. Бескрайние дали заморозили его. Душевное волнение, нахлынувшее на юношу, все усиливалось. Его переполняло желание воспарить над этим простором и лететь вслед за плывущими по ветру рваными клочьями облаков, созерцая изъеденные временем грани отрогов, распадки, речки.

Впервые оказавшись высоко в горах, восхищенный Никодим как-то сразу, на всю жизнь, страстно полюбил эти вздыбленные цепи каменных исполинов – самое величественное творение Создателя.

Обнаружив за скалами озеро с ледяной водой, решили заночевать прямо на его берегу. Закатный свет алыми волнами разливался по небесному раздолью, окрашивая грани отрогов нежным пурпуром. И такая библейская тишина воцарилась вокруг, что Никодиму казалось, будто слышно, как перешептываются между собой горы-великаны...

...Путникам не спалось. Взволнованные необычностью обстановки, они ожидали чего-то сверхъестественного и потустороннего: ведь отсюда до царства Творца, как им представлялось, рукой подать. Однако все шло как обычно. Своим чередом высыпали все те же звезды с Большой Медведицей во главе. Все та же медовая луна, недолго поскитавшись между ними, скрылась за горой. Сразу стало темно – хоть глаз выколи, зато над головой зажглось уйма новых звезд.

Под утро край неба на востоке, еще не начав светлеть, стал как бы подмокать кровью, хотя солнце еще долго не покидало своих покоев. Наконец проклюнулась пунцовая капля, и первые лучи брызнули во все стороны. Капля на глазах наливалась слепящим свечением и в какое-то неумовимое мгновение оторвалась от обугленной кромки горизонта и, на ходу раскаляясь добела, поплыла, пробуждая землю, погруженную в тишину и прохладу. Только гнусавый крик

высоко летящего ворона нарушал утренний покой.

Воздух за ночь настолько очистился, что утратил сизую дымчатость, и путникам удалось обозреть восточные земли на много верст дальше, чем давеча. Но и там простиралась все та же зеленая равнина без конца и края, без края и конца.

Сознание того, что до самого Тихого океана многие тысячи верст дикой, почти безлюдной тайги, будоражило и волновало воображение путников. Им казалось, что здесь черта, отделяющая их от всей прежней жизни. На западе от нее хоть и привычный, но враждебный мир, а впереди неведомая, пугающе бескрайняя земля Сибирская, в которой немудрено и сгинуть...

Перед утренней молитвой Никодим, как обычно, достал аккуратно завернутую в холстину икону Николая Чудотворца, которую дал ему в дорогу старец Варлаам, и водрузил ее на камень. После окончания службы путники еще долго стояли на коленях. Глядя на святой образ, каждый просил защиты и покровительства.

Когда спустились с гор, изнуренная братия единодушно поддержала предложение Маркела остановиться на зимовку на высоком берегу у подножья глубоко вклинившегося в равнину скалистого отрога. На стремительном речном перекате постукивала по дну галька; играли, скользили по воде солнечные блики, между которыми сновали бойкие пеструшки²¹. Волны мягкими кулачками то и дело окатывали песча-

²¹ *Пеструшка* – речная форель.

ную косу. Это место, защищенное от северных ветров, идеально подходило для становища.

У подола горы путники вырыли под землянки две глубокие ямы. Покрыли их накатником, завалили сухой травой и листвой, а сверху настелили пласты дерна. Земляные стены, чтобы не осыпались, укрепили жердями. Возле дверей с обеих сторон оставили небольшие проемы для света. В центре землянки сложили из камня и глины печи. Лошадям соорудили шалаши наподобие конюшен. Для их прокорма заготовили сена, нарубили березовых веток.

Подоспела осенняя пора. Все окрест раскрасилось яркими, сочными красками. Не верилось, что скоро земля и небо сольются в белом одеянии.

Отроги оставшихся позади гор в прозрачном воздухе проступали настолько рельефно и четко, что казалось, будто они приблизились к становищу. Природа оцепенела от своей красоты, все было пропитано грустью – не за горами зима. Завершалась осень уныло: дождь, хмарь. Однако братия, успевшая наладить свой быт, не тужила и занималась последними приготовлениями к зиме.

В один из таких промозглых вечеров их всполошил нарастающий гул. Встревоженные люди, выскочив из землянок, остолбенели: с гребня отрога, прыгая по скальным уступам и разваливаясь при ударах на части, прямо на них катились большущие камни.

– Ребята, открываем лошадей и бегом на косу! – нашелся Маркел.

Когда камнепад стих, братия с опаской вернулась в лагерь. На их счастье, осыпью смяло лишь навес из корья, под которым вялилась рыба. Разглядывая широкое полукружье скатившихся камней, люди с облегчением вздохнули: окажись землянки на сажень²² пятнадцать левее, их завалило бы.

– Бес нас страшит, а Господь хранит и призывает к осторожности, – истолковал происшедшее Маркел.

Впоследствии даже перед кратким привалом путники всегда старались располагаться на безопасном расстоянии от крутых склонов.

Беглецы знали, что за Камнем есть разрозненные скиты единоверцев, но пока им не попадались. Исполняя наказ старцев, Маркел вел свой небольшой отряд за озеро Байкал-море. Весной старолюбцы вновь тронулись в путь, продираясь через чащобы немереные, обходя топи, мхами покрытые, переправляясь на плотах через реки могучие, полноводные, кипящие водоворотами так, словно в их глубинах беспрестанно ворочаются гигантские чудища.

Провидение и непрестанные охранные молитвы святого старца Варлаама помогали им в пути.

Сколько уж поколений русского люда входит в эту Сибирскую страну, а все пустынна она – до того велики ее пределы. Но как дружны, добры, приветливы люди, живущие там.

²² Сажень – 2,16 метра.

Сибирская отзывчивость и взаимовыручка хорошо известны. Терпишь бедствие – все бросятся спасать. Голоден – разделят последний ломоть хлеба. Взаимовыручка – непреложный закон этих суровых и глухих мест – иначе не выжить! Ощутили их гостеприимство остановившиеся на следующую зимовку у братьев по вере и ветлужцы. С приходом весны, как только подсыхала земля, путники снова трогались, продвигаясь все дальше и дальше на восток, навстречу солнцу.

Наконец стали встречаться староверческие скиты. Их принимали как своих и делились всем, что сами имели, а ветлужцы в ответ усердно помогали хозяевам чем могли: справляли конскую упряжь, плели чуни – сибирские лапти, гнули сани, мастерили телеги, бочонки для засолки, валили лес. Осенью били кедровые орехи – в Сибири мелкосеменная сосна сменилась кедром, родящим шишки с вкусными, питательными зернышками.

В Чулымском скиту два брата – Арсений и Мирон – за зиму так крепко сдружились с ветлужцами и особенно с Никодимом, что весной, немало огорчив родню, пошли вместе с ними, не убоившись неизвестности и тягот дальнего перехода. В их глазах ветлужцы были подвижниками, Богом отмеченными хранителями отеческого православия.

На каждой зимовке один, а то двое или трое обзаводились семьями. И что любопытно, первым женился уже во вторую зимовку самый молодой – Никодим. В жены взял полногру-

дую, миловидную и шуструю Пелагею – дочь Феофана. Благословил ее отец словами:

– Готова будь, дочь моя любезная, к трудностям похода. Не ропщи и почитай мужа своего. Будь ему во всем надежной опорой.

Пелагея еще в дороге принесла Никодиму сразу двойню: сына Елисея и дочку Анастасию.

Забайкальский скит

Путникам не единожды пришлось менять изъезженных коней и разбитые волокуши, искать обходные пути, дабы не попасться на глаза государевым людям, прежде чем добрались они наконец к середине лета 1874 года до стрельчатых хребтов Байкальского края, с давних пор облюбованного старолюбцами. Исполняя волю преподобного Константина, одолели они по бездорожью четыре тысячи верст, истоптали не одну дюжину лаптей.

Натерпелась братия в дороге лишений с избытком. Четверо из них остались лежать под могильными холмиками. К счастью, не померла в пути ни одна из женщин, взятых путниками в жены во время зимовок, и ни одно народившееся в дороге дите. Видно, Господь заботился о приумножении их общины. В итоге достигли цели пятнадцать из девятнадцати ветлужцев, двое примкнувших сибиряков, восемь женщин и семеро ребятишек.

Место для поселения нашлось как-то само собой. Пройдя между нагромождений валунов, закрывавших вход в лесистый распадок, люди увидели после надоевшего темного, насупленного ельника чистый пригожий березняк. На белых ветвях там и сям чинно восседали тетерева. Путники, умянные угрюмостью байкальской тайги, невольно оживились. Тут же шумела речка с прозрачной водой. Вдоль ее берега

тянулась поляна с янтарно-пламенной морошкой, едва ли не самой вкусной и сочной, просто тающей во рту ягодой, совмещающей в себе вкус спелой дыни и земляники.

Только решив остановиться, путники осознали, сколь рискованный и тяжелый переход по невообразимо-огромному пространству они с Божьей помощью завершили, исполнив тем самым волю любимого игумена, князя Константина.

Теперь им предстояла большая и напряженная работа по устройству поселения. Они с воодушевлением принялись за дело.

Выбрав для строительства скита-деревни пологий увал, неподалеку от реки, Маркел объявил: «Негоже нам, православным, ютиться дальше в сырых землянках. Избы сразу будем ставить добротные. Зимы здешние суровой расейских, потому и готовиться надобно основательно. Хорошо потрудимся – выживем, послабу себе дадим – пропадем!»

Никто не возражал. Все понимали, что как на голом камне трава не растет, так и без труда жизнь не налаживается.

Отслужили молебен и споро взялись за дело. Деревья валяли посмолистей, с плотной древесиной и ровным, высоким стволом. Ударишь по такому бревну, на другом конце слышен звук, похожий на звон колокола. С расчищенного от леса увала с утра до вечера несея дробный перестук топоров, звон пил ветлужцев. Сибиряки Арсений и Мирон занимались вместе со своими лайками охотой и рыбалкой. Женщины тем временем запасали ягоды, грибы, корни, суши-

ли травы, колотили орехи, вялили наловленную рыбу и добытое мясо.

Места под дома выбирали так: раскладывали на земле куски толстой коры и через три дня смотрели – если под корой пауки да муравьи – плохое место, если дождевые черви – подходящее.

На исходе шестой седмицы, когда мягкую хвою лиственниц окропили рыжими пятнами первые утренники, на бугре уже стояло несколько желтостенных, слезящихся янтарной смолой изб, а перед Покровом Пресвятой Богородицы, на радость всем, и просторный молебельный дом вырос. Довольные новопоселенцы, после вознесения благодарственных молитв Господу, пели песни и ликовались²³.

...Все постройки освятили нанесением на стены изображения восьмиконечного креста и окроплением жилища святой водой. Теперь можно было и жить, и служить по чину. Но раньше всех все же, у студеного ключа, впадавшего в речушку, выросла курная баня с каменкой – первейшая отрада русского человека. После ее посещения, исхлеставши тело духмяным березовым веником, всякий молодец, а хвори отступали. Недаром на Руси говорят: «Кто парится – тот не старится». Можно только удивляться тому, что, по заветам византийских монахов, мытье с обнажением тела считалось грехом. Слава Богу, этот неразумный для северной страны по-

²³ *Ликоваться* – старообрядцы, как правило, не целуются, а ликуются – то есть щекой прикладываются к щеке другого.

сыл русским православием не был принят, и вековые обычаи мыться в бане с веником не только держатся, но и укрепляются, несмотря на греческие проклятия.

Время пролетало в каждодневных хлопотах: труд до седьмого пота и молитвы, молитвы и снова труд. На трапезу уходили считанные минуты. Об отдыхе и не думали – приближалась зима!

Уже по снегу готовили дрова, строили для лошадей и четырех коров, купленных у усть-ордынских бурятов, бревенчатый сарай. А в следующем году соорудили из врытых стоймя в землю и заостренных сверху бревен заплот. Получился настоящий скит.

Наипервейшим делом у поселян всегда было служить Господу и угождать Господу. Служить и угождать не столько словами, сколько делами, ибо в Соборном Послании святого апостола Иакова сказано: «Вера без дела мертва есть». В двенадесятые праздники богослужение совершали особенно усердно – вплоть до восхода солнца.

Жили единым уставом, Варлаамом писанным. И никакие происки и соблазны дьявола не могли нарушить лад в общине.

Зима явилась в одну ночь. Вчера еще было довольно тепло, сухо шелестели под ногами опавшие листья, – и нá тебе! – за ночь тайга и горы покрылись пушистым саваном, загнавшим в теплые норы и дупла все живое. Через пару недель подоспел и мороз. Лед на речке от вцепившейся стужи трес-

кался, а солнце, еле пробиваясь сквозь витавшую в воздухе изморозь, почти не грело.

Первая зимовка далась тяжело. Зима оказалась длиннее и студенее, чем ожидали. К весне люди стали страдать еще и от нехватки соли. Сена для скотины тоже не хватало.

Слава Богу, хоть дров было с избытком – не мерзли. После крещенских морозов не выпадало и пары дней без пурги. Ветер, сгоняя с гор густые залпы снега, сутками яростно бился о бревенчатые стены, замечая все, что возвышалось над белым покрывалом. В его реве слышалась затаенная глухая угроза. Залетая в трубу, он завывал особенно тревожно. Двери в домах пришлось перевесить, с тем чтобы они отворялись внутрь избы – иной раз за ночь так наметало, что их засыпало до самого верха. Скитники поначалу прокапывали в снежных наметах между постройками траншеи, но вскоре бросили это бессмысленное занятие и стали ходить за дровами и к хлеву кормить коров и лошадей чуть ли не по крышам.

От голода и болезней поселенцев спасали заготовленные впрок ягоды, орехи, грибы и травы. Но больше всего поддерживала охота на лосей и заготовленные с осени пролетные гуси и утки. Наваристый бульон из них и строганина из лосятины с лихвой возмещали нехватку хлеба и других продуктов. Так, благодаря терпеливости, усердному труду и приобретенному в пути опыту, студеную снежную пору пережили без потерь.

Весна! Ее живительный натиск разбудил ручьи. Оттаявшая земля источала дух прелых листьев. На ветвях набухали смолистые почки. Вербы у реки покрылись нежным желто-серым пухом. Молодая травка, с трудом пробивая сплошную коросту прошлогодней листвы, торчала изумрудной щетиной. На разлившейся речке и старицах буйствовали на утренней и вечерней зорьках пернатые. Треск крыльев, свистящий шум прилетающих и улетающих стай, плеск воды заполняли в это время воздух.

Новопоселенцы радовались обилию птиц, сочным победам дикого лука, первым желтеньким цветкам мать-и-мачехи. Еще бы: только что закончился строгий Великий пост и все изрядно исхудали.

Охотник Игнатий разыскал глухариный ток и с дозволения Маркела, избранного наставником, наладился промышлять слетавшихся на любовные утехы грузных, краснобрых таежных красавцев. Для их поимки он сооружал между кустами невысокие загородки с воротцами и настороживал ловушки. А при охоте на оленей и коз выручала неказистая, но с отменным боем кремневка.

За лето внутри скитской ограды выросло еще пять крепко рубленых изб, с широкими крылечками под навесом. Теперь все семьи имели отдельные жилища. В каждой избе два

окна на лицо и по одному сбоку. Лицевые окна и карнизы украсили резными узорами. Их рисунок ни на одном доме не повторялся. Наученные горьким опытом миновавшей зимы, для защиты от снежных задувов новоселы соорудили между всеми постройками крытые переходы.

Сами дома покоились на высоких подклетьях. Неподалеку летники, амбары. У крайних изб торчали две смотровые вышки. Посреди поселения красовался молельный дом с иконостасом внутри и деревянным билом²⁴, подвешенным над крыльцом: для призыва на службу или собор. На задах устроили огородные грядки под капусту, лук да морковь с репой. (Семенами их снабдили одноверцы еще в Чулымском скиту.)

За частоколом, вдоль реки, сразу как сошел снег, начали валить деревья, корчевать корни: расчищали под пашню первые лоскуты. Потом каждый год всем миром расширяли, защищая от набегов диких зверей засеками из поваленных деревьев.

Возле дома Маркела под приглядом петуха рылись в земле три курицы, одна из них с пухлявыми цыплятами. Лошади и коровы содержались в загоне из жердей, под охраной собак. Хоть и немного скотины было в скиту, но все равно не один

²⁴ В староверческих молельных домах колоколов не вешают. Для призыва на службу использовали било – сухую доску, похожую на весло, по которой колотили деревянным молотком.

стог надо было сметать на лесных полянках, чтобы хватило до следующей косовицы.

Как только прогревалась, отходила от стужи земля, начиналась полевая страда. Трудились в эту пору все. Понимали, что, коли земле не поклоняешься, хлеба не добудешь. Мужики на отвоеванных у тайги делянах пахали, разваливая сохой с железными присошниками бурые, влажные комья густо пахнущей земли, потом боронили и приступали к севу. Тут уж и подрастающей детворе находилось дело – бегать по пашне и гонять грачей, чтобы те не успели склевать зерна ржи, ячменя и проса до того, как борона прикроет их землей. Одну деляну оставляли под драгоценную картошку. Она родила здесь на славу.

Из-за малости пашни в первые годы в ржаную муку для выпечки хлеба добавляли размолотые в ступе высушенные корневища белой кувшинки. Питались преимущественно похлебкой из мяса, ягодами да орехами.

Трудно давался хлеб в этих краях. Одна раскорчевка чего стоила! Но как благостно было видеть летом среди чащобы небольшую, колышущуюся золотистыми волнами ржи деляну, а осенью сложенные крестцами снопы. Все это напоминало родимый край. Уже в первую жатву новопоселенцы были вдохновлены результатом: зерновые здесь не только вызревали, но и давали много лучший, чем на Ветлуге, урожай.

В свободное от молитв время они, наряду с полевыми работами и заготовками съестных припасов, ладили берестя-

ные туеса, короба, выделявали кожи, кроили и шили из них одежды, занимались рукоделием, кололи дрова.

Детей с малых лет приохочивали к труду, воспитывали в послушании и почитании старших без своенравия. Занимался с ними в молельном доме сам Маркел. Обучал грамоте и Слову Божьему. После занятий детвора летом играла в городки²⁵, лапту; зимой рыли в сугробах пещеры, катались на салазках.

В пору редких посещений уездного городка, находившегося в семи днях пути, старообрядцы с грустью и сожалением отмечали там блуд, пьянство, слышали речь, испоганенную словами постыдными. Все это только укрепляло их веру в то, что их обособленность разумна, а соблюдаемое вероисповедание единственно праведное.

Так прожили ветлужцы без малого четырнадцать лет. Они полюбили угрюмую байкальскую тайгу и окружавшие их горы, как отчий дом. Щедро поливаемая потом земля в ответ благодарно кормила их.

Правда, на одиннадцатый год жизни произошло событие, наделавшее немало убытку. В горах прошли обильные дожди, и по реке прокатился паводок невиданной силы. Ревущий поток, несший с собой коряги, валежины, камни, на глазах подмывал берег, и зеленые великаны, склоняясь все ниже и ниже, с плеском рушились в объятую непонятным гне-

²⁵ *Городки* – игра, в которой деревянные фигуры из круглых чурочек сбивают издали длинными палками (битами).

вом воду.

Наводнение утатило баню, но хуже всего было то, что смыло треть пашни с уже туго налившимися колосьями ржи и ячменя. Однако эти потери в сравнении с тем, что ждало их через три года, были не столь велики...

* * *

Налетела беда неожиданно-негаданно. Удалой люд разведал в окрестных горах на галечных косах студеных речушек богатые россыпи золота. Тихий, благодатный край в однолетье охватила золотая лихорадка.

Потянулся сюда разношерстный лихой люд. Кто мыть золото, кто скупать; кто, собравшись в ватаги, грабить и тех и других. По ручьям росли, как грибы после дождя, стихийные поселения. Следом, для проведения описи и сбора налогов, явились государевы чины. Неспокойно стало в дремавшей прежде округе.

Добрались казаки в начале апреля по прелому снегу перед Пасхой и до староверческого скита.

– Отворяй ворота, ревизия, по приказу генерал-губернатора, – зычно проревел подъехавший на санях в новехоньком мундире, перетянutom скрипучими ремнями, молодой подъесаул.

За ограду вышли Маркел, Никодим и трое из братии.

– Ты уж прости, чуж-человек. К нам в скит невозможно. Мы с

миром дел не имеем. Живем тихо, никого не трогаем и своих уставов никому не навязываем, – степенно и твердо заявил Маркел.

– Я тебе покажу, чертова образаина, «неможно»! – заорал разъярившийся чин и приставил саблю к шее послушника. – Бунтовать вздумал? Прочь с дороги! На каторгу в кандалах упеку!

Стоявший сбоку Колода, детина медвежьей силы, не стерпев прилюдного оскорбления наставника, так хватил пудовым кулаком обидчика по голове, что свернул тому шею. Офицер рухнул на снег замертво. Перепуганные казаки подхватили тело командира и спешно развернули сани обратно.

– Еще поплатитесь, раскольники треклятые! – прокричал один из них, отъезжая.

Маркел, осознав весь ужас и страшную нелепость происшедшего, наградил Колоду полновесной затрещиной:

– Кротостью и смирением надобно бороться со злом. Каждый ответ на удар вызывает новый удар, а кротость, наоборот, гасит его.

Верзила воспринял внушение как должное, не посмея даже рта открыть.

Никто не заметил, как в начале этой стычки с дальних грузовых саней скатился на снег и заполз под разлапистую ель связанный человек. Когда ржание коней и гиканье казаков стихли, беглец подал голос:

– Эй, почтенные!

Все еще топтавшиеся у ворот скитники невольно вздрогнули.

– Спаси Иисусе и помилуй! Кто здесь? – прогудел Колода.

– Лешак я. Развяжите, благодетели!

Колода с Никодимом осторожно приблизились и, перекрестившись, сняли путы с лежащего.

Со снега поднялся крепкотелый, простоватый с виду мужик, в вонючем коричневом зипуне, в грязных чунях²⁶ и онучах²⁷. Весь квадратный, с короткими, словно обрубленными, руками, с черными от въевшейся грязи пальцами. На загорелый лоб из-под плотно надетой шапки выбивались немытые вихры темно-рыжих волос. Взъерошенная бородища, медно пламенея в лучах заходящего солнца, укрывала широкую грудь. Из-под мохнатых бровей буравили хитроватые глазки. Судя по повадкам, человек бывалый и ухватистый.

– Воистину Лешак! Откель будешь?

– Вольный я, без роду и племени. Ноне в старателях фарт пытаю, – дробной скороговоркой отрапортовал беглец.

– И давно промышляешь?

– Да где уж! Мне от роду-то двадцать четыре.

Скитники изумленно переглянулись: на вид бродяге было далеко за тридцать.

– За что ж повязали?

– Дак золотишка чуток намыл. Хозяин питейного заведе-

²⁶ Чунь – лапти, сплетенные из пеньковой веревки.

²⁷ Онучи – обмотка (портянки) на ногу под чуни.

ния прознал про то. Не погнушался, пройдоха, холера ему в дышло, и по бражному делу обобрал, а утром, шельма, указал на меня, яко на беглого колодника с Ангары-реки.

– Так пожаловался бы кому.

– Пустое дело. Правды-то в этих чащобах не сыщешь – все одно, что медведю жалобиться. Но Господь пожалел – вас послал. Благодарствую вам, люди добрые! – Лешак ответил обступившей его братии земной поклон. – А подъесаулаты, дядя, крепко огрел! Силен! – уважительно добавил он, обращаясь к Колоде. – Только вот что скажу: теперича оне от вас не отвяжутся. Одно слово – бунт! Как пить дать вышлют карательну команду. Иха власть велика! Надоть уходить вам отсель, покуда не поздно. Иначе не миновать смертной казни зачинщикам, да и остальных не пощадят, в кандалы и на каторгу. А дома в разор пустят.

– Спору нет, грех свершен великий, да ведь ненароком, не по злomu умыслу. Молитвами и покаянием искупим его. Казаки вряд ли скоро явятся: через пять-шесть дней пути не станет – распутица, до уезда же только в один конец седмица ходу. Но что верно, то верно: оставаться нам здесь не след – житья проклятые щепотники теперича не дадут, – заключил Маркел.

* * *

На соборе решено было по речке уйти на Лену и в тамош-

них горах искать глухое, безлюдное место.

Братия, не мешкая, отправилась валить лес для лодок. Никодим, выбирая подходящие для роспуска на доски стволы, заметил Лешака, кружившего неподалеку.

– Дозволь, почтенный, слово молвить, – вместо приветствия выпалил старатель, поспешно стянув с головы шапку. – Может, негоже мне в чужи дела соваться, да помочь ведь могу. Прибился к нашему прииску еще осенью один схимник, вашего староверческого роду-племени, человек души ангельской. Так вот, сказывал он мне, што ведом ему на севере скит потаенный, Господом хранимый... Я што подумал: ежели пожелаете, могу доставить того схимника к вам для расспроса, тока с условием, што коли столкуетесь, то и меня с собой прихватите. Хочу золота самородного там сыскать. Мне тамошние угоры малость знакомы: с казаками в острог ходил, а скит тот заповедный где-то там запрятан.

– Это не мне решать. Должно с братией обсудить, – сдержанно отвечивал Никодим.

Вечером скитники долго обсуждали предложение Лешака, взвешивая все за и против. Сошлись на том, что встреча с монахом будет нелишней: вдруг и впрямь скажет что дельное.

Поутру вышли к уже ждущему у ворот Лешаку.

– Вези своего знакомца, послушаем. Только вот как ты его доставишь? Снег-то поплыл, того и гляди вода верхом хлынет!

– Пустышное дело! До прииска напрямки недалече. Ежели дадите коня и хлеба, мигом обернусь.

На второй день Лешак действительно привез худого высокого человека неопределенного возраста с голубыми, прямо-таки лучащимися добротой и любопытством глазами на прозрачном, кротком, точно у херувима, лице. Одет он был в драную рясу из мешковины и длиннополую домотканую сибирку²⁸, висевшую на нем как на колу.

Сотворив уставные метания²⁹ и обменявшись приветствиями, все зашли к Маркелу и долго, дотошно пытали монаха: правда ли, что есть на севере потаенный староверческий скит? Бывал ли он сам в нем? Далеко ли до него? Крепко ли то место? И верно ли, что беспоповцы там живут?

– Доподлинно знаю, такой скит есть. Сам жил в нем – я ведь тоже беспоповец, только бегунского толка³⁰. Сторона та пригожа. Отсель верст девятьсот будет. Дорогу я вам обскажу в подробностях, но прежде хотел бы потолковать с очи на очи.

И, обращаясь к наставнику, спросил:

– Могу ли переговорить с очи на очи с Никодимом? Хочу кое о чем для себя его просить.

²⁸ *Сибирка* – верхняя мужская одежда из грубого сукна.

²⁹ *Метание* – малый земной поклон, особо соблюдаемый старообрядцами.

³⁰ *Бегунский толк* – течение в беспоповском старообрядчестве, возникшее в XVIII веке. «Спасение души» для бегунов – это «вечное странствие».

Отсутствовали они недолго. О чем беседовали – неведомо. Вернувшись, схимник принялся рисовать карту, давая по ходу подробные пояснения.

– А сам скит-то где будет?

– Вот здесь, в этой впадине... Только нет к нему иного пути, кроме водного. Поторапливаться вам надобно. Ажно до прииска слух докатился, что карательный отряд готовят. Как вода спадет, так вышлют.

Монах отвесил поясной поклон и со словами «Храни вас Бог, братушки» уехал вместе с Лешаком обратно.

Покамест мужики срочно мастерили лодки-дощанки, конопатили, смолили бока, крепили мачты, женщины паковали скарб, сшивали для парусов куски полотна, собирали провиант в дорогу. Лошадей и коров пустили под нож, а нарезанное тонкими пластинами мясо коптили, вялили в дорогу.

Как только сошли крупные льдины, снесли все приготовленное к реке. Волоком по каткам стянули и суденышки. Все было готово к отплытию. Уж и бабы с тепло одетой ребятней собрались на покрытом галькой берегу.

Маркел с Никодимом покидали скит последними. Окинув его прощальным взглядом, тяжело вздыхая, переглянулись.

– Эх, сколько годов здесь прожили: горести и радости вдосталь познали, к каждой березке, к каждой тропке привыкли. Горько предавать огню столь ладное хозяйство, но не оставлять же его хриstopродавцам на поругание! – промолвил Маркел.

Никодим молча кивал головой.

Запалив избы, они спустились на берег...

Снова в пути

Караван плоскодонок, подхваченный весенним половодьем, несясь по стремнине. Позади разрасталось жуткое зарево с клубами черного дыма. Оглядываясь время от времени на горящее поселение, суровые старообрядцы смущенно сморкались, иные не скрывали своих слез, а бабы и вовсе ревели как белуги: великих трудов и обильных потов стоило общине укорениться, обстроиться в этих диких местах.

Волны, разбиваясь о борта, то и дело захлестываясь в лодки, орошали беглецов ледяными брызгами. Женщины и детвора зябко ежились, а мужики не обращали на брызги внимания: они едва успевали отталкиваться шестами от угловатых льдин, норовящих опрокинуть утлые суденышки и отправить людей в бурлящую утробу норовистой реки.

Поутру третьего дня, обгоняя караван, вдоль берега пронеслась белая метелицей, оглашая округу трубными криками, стая лебедей. Вслед ей ринулся холодный ветер – предвестник ненастья. По воде побежала кольчужная рябь. Отражения берегов покособились, закачались. Река потемнела, нахмурилась. Мохнатые тучи, слившись в сплошной полог, беспрерывно сыпали холодную влагу на унылую пойму, расчеченную извивами русла. Временами дождь, словно очнувшись, начинал хлестать напропалую, ниспадая на землю колышущимися завесами.

Все промокли, задрогли. Тревожась за здоровье ребятни, Маркел распорядился причалить к берегу и разбить на взгорке лагерь. Спешно соорудили из жердей шалаши, покрыли их толстым слоем лапника и залегли в ожидании конца ненастья. Прошли сутки, а дождь все лил и лил.

Вода в реке прибывала. Берега раздвигались прямо на глазах. Еще бы! Вечная мерзлота не давала возможности дождевой влаге уходить в землю, и она вся сразу скатывалась в реку. Поэтому в этих краях при любом дожде случаются паводки. Иной раз он столь силен, что превращается в неукротимую стихию с непредсказуемым нравом. Вырвавшиеся из берегов потоки в слепой ярости смывают все на своем пути, громоздят на излучинах огромные завалы. Запертая ими река порой вынуждена пробивать новое русло прямо через вековую тайгу, оставляя старому, забитому стволами ложу удел тихой и мелководной протоки, зарастающей со временем.

Стан староверов располагался на высоком, вытянутом мысу. Его покрывали сплоченные ряды елей и лиственниц. Кроме них вдоль берега росли береза, рябина, шиповник. Казалось бы, здесь, на лесистом возвышении, ничто не могло угрожать путникам. Каково же было их удивление, когда, проснувшись утром, обнаружили, что со всех сторон окружены водой: своевольная река за ночь промыла перешеек излучины и, укоротив свой путь к морю, заодно отрезала людей от коренного берега.

На третий день сквозь вороха туч ударили истомившиеся

в заточении лучистые столбы. Участки, залитые живительным солнечным светом, загорелись празднично, весело.

Караван, не мешкая, покинул новорожденный остров. Мутная вода, грозно поблескивая, увлекла, понесла дощанки мимо вздрагивающих под напором воды подтопленных деревьев. Искусство кормчего теперь состояло лишь в том, чтобы не сойти с основного стрежня и не врезаться в какую-нибудь корягу или залом.

На исходе одиннадцатого дня полноводный поток вынес караван на широкую Реку. Собирая притоки, она и дальше продолжала раздаваться вширь. Местность изменилась. Горы расступились, смягчились их очертания. Появилась возможность поднять паруса. Хлебнув попутного ветра, они повлекли суденышки на север, мимо крупноствольных, кондовых лесов, чередующихся то разводьями унылых марей, покрытых пружинистыми мхами и кустиками низкорослой голубики, то взъерошенными перелесками чахлых березок и лиственниц.

Сколь жалки на вид эти корявые, сутулые упрямы, вступившие в схватку с безжизненной заболоченной почвой: вершины засохли, стволы хилые. Растут, бедные, заваливаясь в разные стороны, с трудом держась корнями за мягкую моховую подушку. Но не будь этих отважных первопроходцев, некому было бы готовить почву для наступления высокоствольных лесов.

Попадались и обрывистые берега с льдистыми выходами вечной мерзлоты. С них прямо в воду свисали лохмотьями огромные куски дерна.

Берега безлюдны. Только однажды беглецы увидели три коптящих небо остроконечных чума коренных жителей. Чуткие собаки кочевников тут же высыпали на берег разношерстной стаей и дружным лаем подняли переполох в стойбище. Из чумов вышли пестро одетые люди, высыпала дебора. Увидев караван больших лодок с белыми полотнищами на длинных жердях, они застыли, будто каменные.

Чтобы избежать лишних разговоров, старообрядцы решили не останавливаться. На ночлег устроились далеко за полночь верст через пятнадцать.

Шел двадцатый день пути, когда в речном просвете вновь замаячили острозубые гребни хребтов. Люди сразу оживились: из дорожных наставлений схимника следовало, что скоро сворачивать вправо в приток, вливающийся в Реку сквозь узкое, словно прорубленное мечом, ущелье.

Все сошлось. К полудню следующего дня подплыли к островерхому камню, одиноко торчащему посреди реки. Сразу за ним взяли вправо и зашли в теснину из громадных скал, похожих на лица каменных богатырей, грозно и угрюмо взирающих на незваных гостей. На рисунке схимника это место было обозначено как Чертова пасть. В скором времени путникам пришлось убедиться в меткости названия.

Версты через полторы теснина раздвинулась, по берегам

появились косы и отмели, но вскоре межгорная долина, сжимаемая отрогами, вновь сузилась. Сами склоны были сильно изломаны острыми ребрами и выступающими зубцами.

Отсюда вверх по течению поднимались на шестах. Вот уж где попотеть пришлось! Мужиков выручала слаженность: все, кто с шестом, одновременно, по команде кормчего, отталкивались, сколь доставало силы, от каменистого дна. Лодка, под надсадный крик людей, рывком шла вперед, и за этот миг мужикам следовало без промедления вновь перебросить шесты вперед и опять разом, что есть мочи, оттолкнуться. И так многие тысячи раз!

Утром четвертого дня, с начала подъема, обогнули отвесный отрог. Долина за ним опять расширилась, и речка разделась на два рукава. Неукоснительно следуя дорожным наставлениям, «флотилия» направилась в правый, более полноводный рукав, с прозрачной, изумрудного отлива, водой. Слепящие блики солнца красиво метались на ее высоко дыблящихся бурунах.

По берегу, вдоль кромки воды, хрустя пестрой галькой, навстречу им брел медведь. Заметив лодки, подслеповатый зверь встал на задние лапы и, приложив к глазам переднюю, пытался понять, кто же вторгся в его владения. Сослепу приняв дощанки за плывущие выворотни, он успокоился и продолжил прерванное занятие – ворочать валуны, слизывая с их влажных боков любимое лакомство – личинки ручейника. Следом показался второй косолапый. Уставившись на ка-

раван, он для острастки заревел – мол, плывите, но знайте: хозяин тут я.

Дальше на отмели, нахохлившись, стояли, нацелив вниз клювы, цапли. Они с подозрением косили желтыми глазами и на всякий случай отлетели вглубь заводи, обрамленной осинами с городищем гнезд.

«Эскадра» меж тем упрямо продвигалась к громадам пепельных хребтов, изрезанных лабиринтами ущелий. В глубоких разломах и нишах белые отметины снега. Горная, неприступная страна! Все здесь было необычно. Дико, очень дико и голо кругом. На скалах выживали только желто-серые лишайники.

Берега реки, прорезавшей хребет, вздымались здесь почти на сто саженей и были так близки друг к другу, что солнце в эти каменные теснины заглядывало лишь в середине дня. Сверху искристым бисером беззвучно ниспадали белыми бородами водопадики. Попав в столь мрачное, неприятное место, люди, окруженные холодным величием, оробели.

Отвесные стены раскрашены пластами разноцветных пород: то серых, то желтых, то красноватых. Перед путниками как бы предстала окаменевшая многовековая летопись Земли. Но наши путники не задумывались об этом. Для них это была просто мрачная теснина, которую следует как можно быстрее пройти.

На каждой стоянке шепутной Лешак в поисках знаков золота мыл песок. Но ничего путного в пробах не находил:

в лучшем случае выпадали один-два знака.

Сжимаемая ущельем речка становилась все напористей и бурунистей. Кипя и пенясь, она без устали мчала свои воды по уступам каменного ложа. Местами сила течения была столь велика, что сквозь шум потока доносились глухие удары перекачиваемых водой валунов.

С утра шло полегче. К полудню же оживал дремавший в верховьях речки ветер. Разгоняясь в узкой трубе каньона, он в союзе с бегущей навстречу водой старался повернуть лодки вспять. Вероятно, другие впади бы от таких препятствий в отчаяние, но непреклонные староверы, невзирая ни на что, упорно продвигались вперед. Было в этих людях нечто сильнее мускулов. Это «нечто» – сила ДУХА, позволяющая совершать невозможное. Дружно наваливаясь на шесты, они рывками, раз за разом проталкивали лодки вперед. Соленый пот заливал глаза, рубахи липли к спинам, но дощанки вершок за вершком ползли к цели.

Там, где течение было особенно стремительным, за шесты брались и бабы. Особенно ловко орудовала им супружница Прокла – дородная Марфа. Несмотря на солидный вес и кажущуюся неповоротливость, она не уступала иным мужикам. Когда все изнемогали от усталости, Маркел объявлял остановку для отдыха.

На одном из порогов лодку, в которой плыл Никодим, развернуло поперек русла. Мощное течение подхватило неуправляемую, залитую водой посудину и затянуло под ска-

листый прижим. Слава Богу, никто не утоп. Однако водоверть унесла немало полезной утвари. Больше всего расстроила утрата двух топоров и пилы.

Чем ближе к истоку, тем строптивее, норовистее становилась речка. Вскоре она стала представлять собой череду водопадов. Упругие, лоснящиеся потоки, низвергаясь с уступов, ударялись о скальное дно и исступленно бушевали в выбитых за многие годы каменных котлах, сотрясая ревом округу.

Над каждым порогом висели белесые облака водяной пыли. Путникам в некотором смысле повезло. Выпал как раз тот редкий час, когда солнце заглянуло в каньон и над каждым сливом зажглась сочная радуга – ворота в сказочный, неведомый мир, из которого то и дело выпрыгивали хариусы, с цветистыми, словно отражения этих радуг, спинными плавниками.

Братия пригорюнилась:

– Неужто дальше не пройти?!

Дергаясь от толчков шестью, подползла и пристала к берегу последняя лодка с Маркелом. Осмотревшись, он прокричал, стараясь пересилить шум воды:

– Надо искать волок. Я и Колода поднимемся по этой расщелине, а Никодим с Мироном переплывайте речку и осмотрите противоположный берег. Потом решим, где сподручней обходить. Остальным пока отдыхать.

Через два часа разведчики вернулись. По правому берегу,

который обследовали Никодим с Мироном, обход оказался неудобным – склоны слишком крутые. Решили пробиваться по левому.

Из стволов, застрявших на береговых уступах во время паводков, заготовили катки. К днищам лодок для их сохранности подвязали полозья – березовые жерди. Подъем планировали начать с утра, но до полудня не могли тронуться: плотный туман затопил ущелье.

На плато лодки вытягивали до самого вечера. С утра следующего дня покатали их по каменистому плато до обширного снежника, закрытого с одной стороны скальной грядой. Одна из скал напоминала лицо человека. Он глядел на измученных людей, скривив рот в злорадной ухмылке.

На его плешивой макушке стояли грациозные бараны-толстороги. Заметив их, путники невольно остановились. Табунок постоял еще немного, наблюдая за диковинными пришельцами, и бросился вниз. Самый лихой баран, оказавшись на снегу, покрывавшем одну из «щек» идола, вдруг сел на круп и лихо покатился вниз. Люди затаили дыхание: казалось, рогач неминуемо разобьется о камни, лежащие у подножья скалы, но в самый последний момент круторог вскочил на ноги и, оказавшись теперь впереди всех, как ни в чем не бывало скрылся за грядой.

От оледеневшего снега, годами копившегося в этой ложбине, веяло холодом и сыростью. Люди из лета как бы угодили в зиму. Зато плоскодонки скользили по природному «кат-

ку», длинным языком сползавшему к берегу выше каскада водопадов, как по маслу. Чтобы они слишком сильно не разгонялись, их приходилось даже придерживать сзади.

Речка приняла их приветливо, без кипучей толчеи волн. Обход порогов так измотал людей, что на ночевку встали, не дожидаясь вечера. Лешак, не мешкая, спустился на косу и промыл в лотке песок. В шлихе собралось около семидесяти крупных желтоватых зерен пластинчатой формы. Сгрудившись в головку, они тлели будто угли догорающего костра. В глазах старателя вспыхнули искорки азарта. А когда он обнаружил в прибрежной гальке угловатый самородок размером с перепелиное яйцо, то и вовсе в раж впал: принялся плясать, подняв в невообразимом восторге руки, и дико вопить на все ущелье... Наконец Лешак утихомирился и, шмыгая мясистым носом, объявил:

– Благодарствую, братушки, уговор соблюли. Дальше я не иду. Здесь остаюсь. А вам желаю обрести то, что ищете!

– Ну что ж, вольному – воля, спасенному – рай, – дивясь и в то же время тихо радуясь, отвечал Маркел. – Может, еще и свидимся когда... Фрося, отдели ему снеди без обиды.

На следующий день отмахали сразу семнадцать верст. К вечеру шесты уже валялись из рук. Онемевшие, ставшие как будто чужими, пальцы с трудом держали отполированное до блеска древко. И опять речка вошла в очередной горный узел. Горы! Кругом горы! И справа и слева горы, горы, горы, вершины которых теряются в облаках. На мрачных склонах

тут и там угрожающе торчат зубья скал. С каменистых уступов низвергаются жемчужными нитями ручьи. А по дну ущелья бежит речушка, по которой медленно, но упорно ползут лодки.

Вскоре речку перекрыли гряды базальтовых «сундуков», выставивших из воды мокрые, отполированные крышки. Вода неслась между ними так быстро, словно пыталась согреться. Мужики, одолевшие уже немыслимое число преград, зароптали:

– Может, тот схимник со злым умыслом нас сюда спроводил?

– Да и Лешак, похоже, неспроста отстал!

Уловив перемену в настрое общины, Маркел воскликнул:

– Братья, то Господь нас испытует! Не гневайте Владыку, будем веровать в Его милость. Неужто не сдюжим, отступимся? Мы ведь почти у цели!

Уверенность наставника благотворно подействовала на братию. Все сразу приободрились, изможденные лица посветлели, в глазах вновь загорелся огонь.

На шестах по порогам подниматься было немыслимо, а обходить невозможно – берега очень крутые. Поэтому решили тянуть лодки по-бурлацки, на веревках, привязанных к носу и корме. Бородачей выручало то, что вдоль одного из берегов всегда можно было идти вброд. Продвигались медленно, так как приходилось, одолевая мощные сливы, то и дело проводить дощанки меж камней.

Скит «Кедровая падь»

На второй день бичевания³¹ уставшие путники увидели в проеме каньона лесистую впадину, закрытую с севера и юга мощными хребтами. Более высокий, северный, венчался цепью снежных шапок, вокруг которых паслись «отары» облаков. Над самой же впадиной небо было чистое.

Строптивая речка, получившая уже у путников название Глухоманка, брала начало с ледника на восточном, невидимом отсюда стыке хребтов. Сбежав по ступеням предгорий во впадину, она успокаивалась. Дальше шли на шестах играючи. Не заметили, как отмахали версты четыре. Перед двугорбым холмом спохватились и свернули в заводь, обрамленную полосой песка. С него нехотя взлетел глухарь, клевавший мелкие камушки.

На светлом склоне холма тут и там росли громадные кедры. Некоторые спускались почти к самому берегу. Покоем и благодатью веяло от этого места. Вокруг царила такая тишина, что у изнуренных путников возникло чувство, будто этот райский уголок был сотворен специально для них.

– Братушки, лепота-то какая! Прямо земля обетованная, – восторженно выдохнул Глеб. – Сдается мне, что это и есть та самая впадина, о которой сказывал схимник!

– По всему выходит, что это так. Передохнем пару дней,

³¹ *Бичевание* – протягивание судна по реке бечевой (веревками).

а там обсудим, как далее быть, – согласился Маркел.

Братия, надорванная тяжелой дорогой, с нескрываемой радостью повалилась на теплый песок. Женщины тут же принялись разжигать огонь и готовить еду. А детвора, истомившаяся в тесных лодках, натаскав сперва для костра кучу хвороста, пустилась бегать между деревьев, играя в догонялки. Голосистое эхо понесло по долине речки звонкий смех ребятни.

Немного отдохнув, самые нетерпеливые мужики, не мешкая, отправились исследовать Кедровую падь. Тайга открылась богатая. Изумляло обилие следов и помета дикого зверья. Как выразился Игнатий:

– Дичи тута что мошкары!

– Всех пород звери – не оголодаем! – поддержал Арсений.

С деревьев то и дело слетали стаи непуганой дичи: спесивые тетерева, грузные глухари, доверчивые рябчики. Тараня кусты, с шумом разбегались олени. Спасаясь от их копыт, с тугим треском от крыльев выпархивали из травы куропатки. По толстым ветвям кедров сновали жизнерадостные белки. Время от времени порывы верхового ветра срывали увесистые, смолистые шишки. Они глухо шлепались о землю. Ноги мягко пружинили на толстом ковре из рыжей хвои. На прогалинах взор радовали кустики, усыпанные матово-синими ягодами голубики. Низинки затянуты россыпями поспевающей брусники.

Уверенный, что искомый скит где-то поблизости, очаро-

ванный не менее других, Маркел, повернувшись к Никодиму, произнес:

– Каково благолепие! Здесь бы и обосноваться, да сперва своих братьев найти надобно.

От этих слов Никодим сразу помрачнел. Собираясь с духом, тяжело вздыхая, он мял пучок кедровой хвои. Наконец произнес:

– Не гневайся, Маркел. Взял я на себя грех, утаил, по уговору со схимником, что община та поголовно вымерла... С ярмарки холеру занесли, а тут пурга случилась. Люди, в пещерах безвылазно сидемши, так и перемерли один за другим. Только монаха того благочестивого Бог и уберег: он в ту пору на месячное моление в дальний грот удалялся, а когда воротился, узрел сей ужас. Ладно сообразил – сразу ушел... Обитатели их вон в той горе были. – Никодим указал рукой на каменистую плешину, на склоне хребта верстах в пяти-шести от них, значительно левее проема, через который Глухо-манка покидала Впадину. На ней четко различался ряд черных точек. – Это и есть их пещерный скит. Впадина велика и зело скрыта, а пещеры, сам видишь, далече и для нас не опасны. Только ходить туда не след – потому как зараза та, схимник сказывал, шибко живуча.

Ошарашенный наставник молчал.

В этот момент с небес полились торжественные, трубные, берущие за самое сокровенное в душе звуки. Они заполнили собой все пространство над впадиной. Собеседники, подняв

головы, увидели журавлиный клин.

– Господь благой знак шлет! Здесь нам и быть, – твердо заключил Маркел.

Вечером собравшаяся у костра братия, выжидательно поглядывая на наставника, взახлеб расхваливала прелести и достоинства Кедрового урочища.

– По мне, краше и скрытней пристанища не сыскать, – прогудел Колода.

– Место и впрямь отменное, благостно было б пожить здесь, – поддержал Мирон.

– А зверья-то, зверья! – с надеждой глядя на наставника, вклинился Арсений.

– Коли всем здесь так приветисто, тут и будем скит ставить, – подвел черту Маркел.

– А как же искомая община? – заволновался Тихон. – Сыскать бы.

– Пошто нам чужие? Сами как-нибудь обживемся, нам не привыкать, – отрезал Маркел тоном, не терпящим возражений.

– Слава Богу! Наконец-то! А то ведь того и гляди по земле ходить разучимся – все по воде да по воде, – обрадованно затараторила повязанная до бровей платком словоохотливая Агафья, жена Глеба.

По такому случаю на ужин сготовили полный котел ячневой каши, щедро заправленной вяленым мясом. Съели всю

без остатка, вылизав начисто чашки и ложки.

Когда последний человек завершил трапезу, сидевший на валежине Маркел поднялся:

– Братья и сестры, помолимся и спать. С утра за дело. Да благословит нас на этом месте Господь. Аминь!

Только после этих слов путники наконец уразумели, что ставшая привычной бесконечная и изнурительная дорога закончилась, и даже несколько растерялись оттого, что утром не надо будет больше садиться в валки лодки и толкать их шестами. Их сердца постепенно наполнялись гордостью и радостью от осознания того, что они достигли цели и в этой изнурительной дороге не потеряли ни единого человека. Значит, и вправду шли Богом хранимые.

Надсаженная продолжительным переходом община угомонилась быстро. Над становищем воцарилась тишина, прерываемая лишь храпом уставших людей. Луна, разворошив тучи, осветила стан. Только два человека, охраняя покой спящих, не смыкали глаз: Маркел и Никодим.

Как ни устали новопоселенцы, а привычка вставать с первыми лучами солнца взяла верх. Отслужили благодарственный молебен Господу за милостивое соизволение на обживание земли новой. Продолжался он несколько часов. Мужики стояли отдельно от женщин. По завершении благодарений дружно принялись за работу.

Подходящее для скита место выбрали саженьях в шестидесяти от берега, на взгорке – там кедры росли пореже. По-

сколько до снега оставалось всего полтора месяца, а путники были вымотаны тяжелым переходом, решили ограничиться устройством курных землянок, сосредоточившись на первоочередном – заготовке припасов для зимовки.

Бабы и дети разбрелись по лесу собирать ягоды, грибы, орехи. Ребята постарше ловили рыбу. Когда завершился Петров пост, Маркел дозволил охотникам заклать диких зверей. Из кишок оленей, заполненных молотым орехом и залитых кровью, варили вкусные и питательные колбасы. Мужики рыли землянки, клали печи, вмуровывали котлы для варки пищи.

На счастье поселенцев, урожай в тайге в тот год выдался редкостным. Особенно уродилась любимая всеми брусна. Ее красные глянцевые ягодки обладают замечательным свойством: моченые не портятся годами. Посему хранят их в кадках с водой. Из собранных кедровых орешков надавили масла.

Белая кувшинка с крахмалистыми корневищами здесь не росла, и для выпечки хлеба копали рогоз, росший в многочисленных заводях: нарезанные, высушенные, затем измельченные в ступе, его корни были вкусной, питательной мукой. Пух из коричневых, как будто обгорелых початков добавляли для тепла в подклад зипунов. Длинные листья тоже употребляли в дело: плели рогожи и корзинки. Привезенные четыре пуда семенного зерна не трогали – берегли на посев весной. Успели даже распахать одну лесную поляну под бу-

душую пашню.

Первая зима прошла для скитников в трудах: наряду с будничными хлопотами с утра до вечера готовили лес для будущих построек. Материал для срубов подбирали бревно к бревну. Волочили издалека, так как вокруг места, выбранного под скит, росли лишь громадные кедровые свечи в полтора обхвата. Иные так вымахали, что задерешь голову на вершину поглядеть – шапка валится. Вот и приходилось валить стволы потоньше по закраинам бора. Спилив подходящее дерево, одни обрубали сучья, другие шкурили, третьи по снегу веревками волочили розоватые бревна до места.

Зима в этих краях хотя и щедра на солнечные дни, долга, утомительна, а главное – необычайно морозна. Чтобы не застудить ребятню, землянки топили постоянно. Одна из них от огня, перекинувшегося с очага на заложенную сухостойными стеной, выгорела дотла. Слава Богу, никто не погиб. Укутавшихся в уцелевшее тряпье погорельцев расселили по другим землянкам.

В ожидании тепла и Святой Пасхи скитники все чаще поглядывали на пробуждающееся солнце, сосульки, свисающие с наката над входами в землянки; с радостью вслушивались в повеселевшие голоса синиц. Вот уж и вокруг стволов деревьев протаяли воронки. С каждым днем они углублялись и расширялись, обнажая лесную подстилку.

На березах из образовавшихся за зиму морозобоин начался «плач». Под ближайшими к скиту деревьями расставили

кадки. В них, особенно когда припекало солнце, тоненькой струйкой стекал сладковатый сок. Все с удовольствием пили его, а женщины, сражаясь с морщинами, еще и умывались.

Как только подсохло, приступили к севу. Под огород распахали еще одну делянку. Умница Марфа, когда покидали Забайкальский скит, прихватила с собой в мешочках семена моркови и репы.

После сева и стройка закипела. Посреди двора воздвигли ладный молеальный дом. Установили иконостас, привезенный в крепком, кованном железом сундуке. В центре – икона Святой Троицы в серебряной ризе. Рядом поставили особо чтимую икону Семистрельной Божьей Матери³².

Четверым бобылям поставили ладный дом с украшением в виде конской головы на охлупе³³. (Пятеро из девяти холостяков к тому времени уже оженлись на девицах, рожденных еще в дороге к Забайкальскому скиту и в первые годы жизни в нем. Дочь Никодима – Настя – вышла замуж, по примеру отца, одной из первых в пятнадцать лет.)

Избы строили в традициях общинной жизни: глухим задом к ограде, лицом с оконцами к центру – «круговое поселение». Срубы все из кедра, только обитель наставника с моленной из лиственницы. Внутри жилищ такая свежесть –

³² Икона Семистрельной Божьей Матери – особо почитаемая в православии икона Богородицы. Этому образу более пятисот лет. По происхождению северорусская.

³³ Охлуп – конек крыши.

не надышишься!

Потолки из тесаных плах сверху промазали глиной и засыпали опавшей, но еще не перепревшей хвоей. Венцы конопатили мхом. Оконца с крепкими рамами затягивали тайменевыми пузырями. Выкладывали из дикого камня печь. Вокруг нее подвешивали к потолку жерди-перекладины для сушки одежды и обуви. За печью полати – помост для сна.

В красном углу божница с образами. Вдоль продолговатого стола – широкие лавки. По стенам деревянные «костыли» для одежды, домашней утвари, пучков травы; полки для чаш больших и малых. Возле домов ледники, навесы для вяленья рыбы и мяса. Все поселение обнесли временной оградой, которую со временем заменили высоким частоколом из заостренных стволов лиственницы.

По праздникам братия собиралась в избе Маркела. Пели псалмы во славу Господа, милостивого к ним каждодневно. Слушали игру свирели или рожка доморощенного музыканта Онуфрия. Кто-нибудь тут же затягивал старинную песню. Их они знали во множестве, особенно Марфа и жена Онуфрия – Ксения. Остальные на голоса красиво подпевали.

Онуфрий из обычного рожка извлекал такие переливы, что у суровых скитников невольно выступали слезы. Столько заветных воспоминаний пробуждали они. Кому-то слышался в них колокольный звон, запомнившийся с детства, кому-то колыбельная матери, кому-то торжественные службы в Ветлужском монастыре, а кто-то заглядывал в укром-

ный уголок своей души...

В пору обживания нового пристанища в мир не выбирались. Дел и так было с избытком. Помимо стройки, заготовки даров тайги и сельхозработ, выделявали шкуры добытых зверей. Сучили из конопли и крапивы волокно и ткали из него половики, мешки, а из конопли ткали полотно даже для одежды.

В первые два года из-за малой площади пашни они старались экономней использовать ржаную муку, смешивая ее с мукой из рогоза. Чисто ржаная шла лишь на просфоры и хлеба в дни двенадесятых праздников. Интересно, что на протяжении многих лет наблюдалась благоприятная для урожая закономерность: на следующий день после завершения сева пашню поливал обильный дождь.

Несколько дуплистых деревьев, заселенных пчелиными семьями, развели еще в первый год. После Медового Спаса Никодим взбирался на помеченные деревья и, оберегаясь дымарем, осторожно вынимал часть заполненных янтарным медом сот для лакомства в праздники и приготовления лекарственных снадобий. В хороший год собирал до двух пудов.

Посещения ярмарки

Громада безлюдного пространства и непроходимые горы надежно укрывали новорожденный скит от мира. Старолюбцы основательно обжились в щедром кедровом урочище, постепенно расширяя для себя границы приютившей их Впадины.

Четыре года они не покидали ее пределов. Но на пятый, после Великого поста, необходимость пополнения огнеприпасов, инструмента и прочей утвари, а также соли принудила снарядить ватагу из четверых мужиков в казачий острог³⁴, возле которого каждый год проходила весенняя ярмарка. Помянули добрым словом схимника, который не поленился изобразить, как из Впадины пройти к нему. Слава Богу, острог находился не на западе, а на востоке, и не нужно повторять страшный путь через пороги Глухоманки до Чертовой пасти.

Чтобы было на что менять товар, скитники всю зиму промышляли пушнину: в основном ценного соболя и носкую выдру. А еще летом, наученные когда-то Лешаком, намыли немного шлихового золотишка.

Путь к острогу пролегал через восточный стык Южного

³⁴ *Острог* – казенная деревянная крепость, обнесенная крепким бревенчатым частоколом.

и Северного хребтов. Ходоки шли на снегоступах вдоль тропы-борозды, набитой горными баранами. Местами встречались их лежки, клочья шерсти, старый и свежий помет. Похоже, животные обитали здесь давно, добывая корм на малоснежных, прогреваемых солнцем террасах.

Тропа вилась по отвесным кручам, тесным карнизам, нередко зависала над жуткими безднами: вниз глянешь – озноб пробирает до пят.

Наконец головокружительные участки остались позади. Скитники выбрались на перевальную седловину и, перейдя на восточный склон, нашли безветренное место. Вырыли в снегу яму. Расстелили мягкие олени шкуры, поужинали и легли спать, прижавшись друг к дружке. Сквозь меховые одежды холод не проникал, спалось крепко. С восходом солнца начали спуск.

Сойдя на пойму какой-то речки, путники на третий день соорудили на нижних ветвях старой березы лабаз. Сложили в него часть припасов для обратной дороги: лепешки, вяленое мясо, комки мороженой брусники; все это укрыли корьем и придавили парой валежин. После этого двинулись на север по ровной белой ленте с многочисленными нартowymi следами – оленные эвенки на ярмарку проехали. Благодаря накатанной дороге ходоки одолели оставшийся путь до острога за два дня.

Располагался он на высоком береговом куполе у подножья изъеденного ветрами кряжа. В начале семнадцатого века

здесь заложили казачий пост, разросшийся со временем до деревянной крепости с двумя сторожевыми башнями: «воротной» – с выходом к реке и «тынной» – с бойницей и пушкой, направленной в сторону леса.

В этих диких и безлюдных местах острог являлся важным опорным пунктом для продвижения промышленного люда на восток и был известен всей округе. В обязанность служивых также входил сбор ясака с местного населения. Сюда каждую весну съезжались на оленьих упряжках окрестные якуты, кочевники-эвенки и купцы с Аяна. Шумное многодневное торжище проходило прямо на реке, перед крепостью.

В такие дни к столбам печного дыма острога, подпирающим остекленевший от мороза небесный свод волнистыми, расширяющимися вверх колоннами, прибавлялись десятки дымов из чумов кочевников и промысловиков. Дым, поднявшись до вершин горных гряд, смешивался слабым течением ветра в одну белесую крышу, зависавшую над ярмаркой, будто специально для защиты многоликого торжища от стужи.

Пространство перед острогом заполняли нарты с товаром. На одних – пухлые связки мягкой рухляди³⁵, туеса с брусникой, мешки с орехами, мороженой дичью. На других – тюки с чаем и табаком, свинцом и порохом, мешки с сахаром и солью, ящики с гвоздями и скобами, топорами и ножами, рулоны материи, горы посуды. Отдельно, под присмотром ка-

³⁵ *Рухлядь* – пушной товар, меха.

зака, продавали ружья, боеприпасы.

Тут же ходили поп с дьячком. Батюшка читал проповеди, вел беседы, увещевал эвенков и якутов креститься в православие.

Торговый люд тоже времени даром не терял. Поил «сердитой водой» доверчивых инородцев и скупал у захмелевших за бесценок таежные дары. С особым усердием выманивали соболей. Видя такой грабеж, скитники брезгливо отворачивались:

– Экая срамота! Не по совести поступают, а еще православные!

– Ровно басурмане какие. В прежние времена такого нечестия и в мыслях не допускалось.

А эвенки, дивясь пристрастию русских купцов к собольему меху, наоборот, еще посмеивались над ними промеж собой:

– Луча³⁶ – глупый люди. Соболь любят, оленя – нет. Соболь – какой толк? Мех слабый, мясо вонючий. Олень – много мяса, мех теплый.

Непривычные к обилию народа, многоголосому гаму и толчее, скитники, чтобы побыстрее покинуть шумное скопище, не торгуясь, поменяли рыжье и пушнину на надобный товар. Самым трудным оказалось найти писчей бумаги для Никодима.

Из острога уходили кругами – следы путали.

³⁶ Луча (эвенк.) – русский.

В скиту «опоганные», не заходя в избы, долго мылись в бане, стирали облачение – скверну смывали. Над доставленным грузом Маркел прочитал очистительные молитвы.

Того, что принесли ходоки, хватило общине на два года. В очередной поход на ярмарку определили Изота – старшего сына Глеба, Елисея – сына Никодима и Колоду, назначенного у них старшим.

На обратном пути, утром второго дня, когда скитники переходили замерзшую реку, неподалеку от места впадения в нее ключа, Елисею показалось, что впереди вроде парит, и он предложил обойти опасное место.

– И то верно, прямо только вороны летают, – поддержал Изот. Но Колода, не любивший долго размышлять и осторожничать, в ответ прогудел:

– Коль охота ноги по заламам ломать, идите, а я по чистому пойду.

Молодые не решились послушаться старшего, последовали за ним.

Истончившийся под покровом снега лед не выдержал тяжело груженных ходоков – они разом оказались по грудь в воде. Мощное течение теснило их. Тем не менее скитники сумели скинуть ношу на край образовавшейся полыньи. Теперь следовало как-то выбраться самим. Первым вытолкнули на лед молодого и легкого Изота. Следом Колода подсобил Елисею.

– Оттащите поклажу и киньте мне веревку. Она сбоку тор-

бы приторочена, — скомандовал он.

Исполнив все в точности, Изот с Елисеем принялись вытягивать старшого. Когда Колода наконец оказался на льду, закраина не выдержала, скололась и веревка выскользнула из окоченевших рук ухнувшего с головой в воду скитского богатыря. Подхватив добычу, черная вода немедля затянула его под лед...

Поскольку до Впадины было еще далеко, обледеневшие скитники решили бежать по следу эвенкийских упряжек, проехавших накануне, в надежде добраться до стойбища, расположенного где-то у подножья Южного хребта. Перетащив всю поклажу к приметному своей расщепленной вершиной дереву, засыпали ее снегом...

В тех местах, где нартовая колея проходила по безветренным участкам, она была непрочной и часто проваливалась под ногами парней. Затрудняла движение и оледеневшая одежда. Тут еще не вовремя налетела густеющая на глазах поземка — поднимала голову пурга.

— Сил нет... Надо остановиться! — прокричал, захлебываясь ветром и колючими снежинками, Изот.

Чтобы окончательно не застыть, повалили поперек нартовой колеи ель и забрались под ее густые лапы. Дерево быстро заметало. Внутри, под пухлым одеялом, было тихо и тепло. Стремясь поскорее согреться, ребята обнялись. Над ними со свистом и воем неистовствовала стихия...

Припозднившаяся оленья упряжка, ехавшая с ярмарки,

уперлась в высокий сугроб. Собаки, почуяв людей, принялись с лаем копать в нем. Эвенк Агирча с дочерью Осиктокан³⁷ разглядели в прорытой норе меховой сапог. Раскидав снег и раздвинув ветви, они обнаружили двоих борода-тых лучи. Вид их был ужасен: безучастные лица, заиндеве-вшие волосы. Но люди, похоже, были живы. Переложив их на шкуры, покрывавшие нарты, эвенки развернули застыв-шие коробом зипуны, распороли рубахи и принялись расти-рать замерзшие тела мехом вывернутых наизнанку рукавиц. Грудь Елисея постепенно краснела, и вскоре он застонал от боли. Бедняга Изот так и не отошел. В чум привезли одного Елисея...

³⁷ *Осиктокан (эвенк.)* – звездочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.